

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Oct 186.5

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

(Class of 1828).

Received

July 6, 1901.

РУССКІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЪ ЦАРЬГРАДѢ

1496—1891

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. ТЕПЛОВА

V. Teplof.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1891

Minor fund

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Матеріали для статистики Болгаріи, Эракіи и Македоніи, съ картою . . . . . 5 р.

Греко-болгарскій церковный вопросъ по неиздан-
нымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе, Импера-
торскою Академіею Наукъ удостоенное Уваровскаго
почетнаго отзыва . . . . . 3 »

Объ книги эти Ученымъ Комитетомъ Министерства Народ-
наго Просвѣщенія одобрены для приобрѣтенія фундамен-
тальными бібліотеками средне-учебныхъ заведеній вѣдомства сего
Министерства.

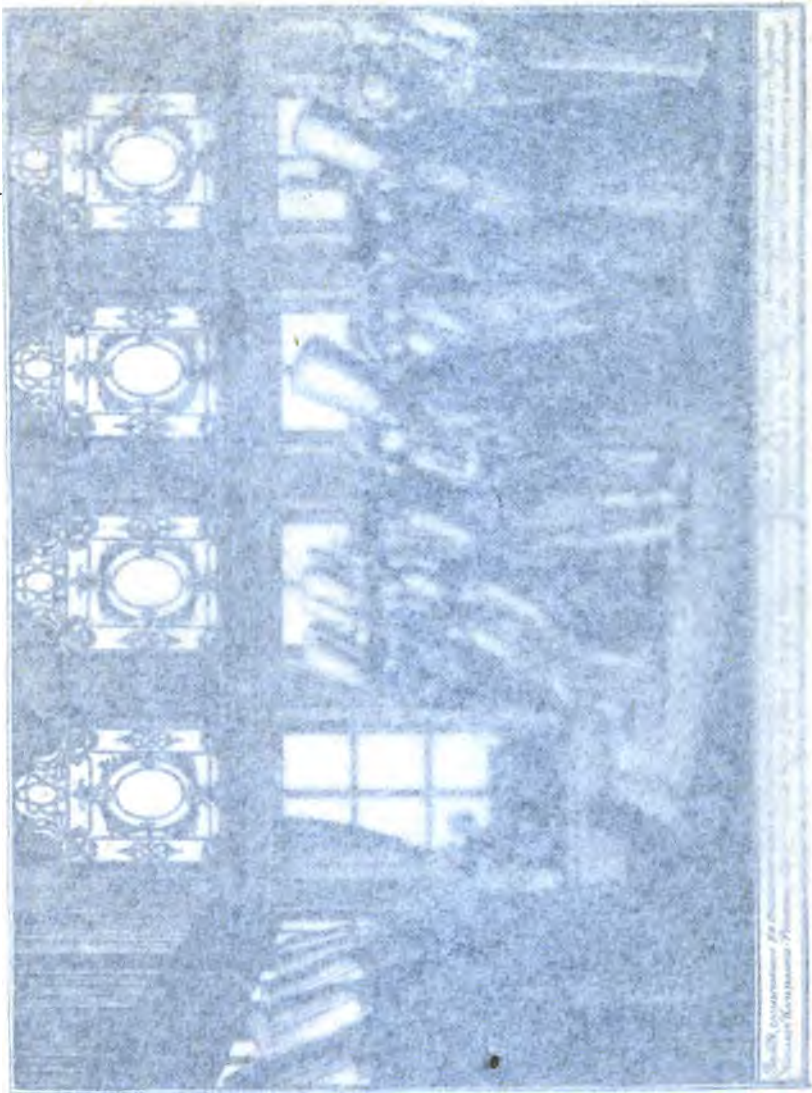
Адрианополь (изъ воспоминаній путешественника) . . 2 »

Представители иностранныхъ державъ въ прежнемъ
Константинополѣ. Историч. очеркъ . . . . . 1 » 50 к.

Выписывающіе прямо отъ автора (С.-Петербургъ, Дворцовая площадь, 6) за пере-
сылку ничего не платятъ.

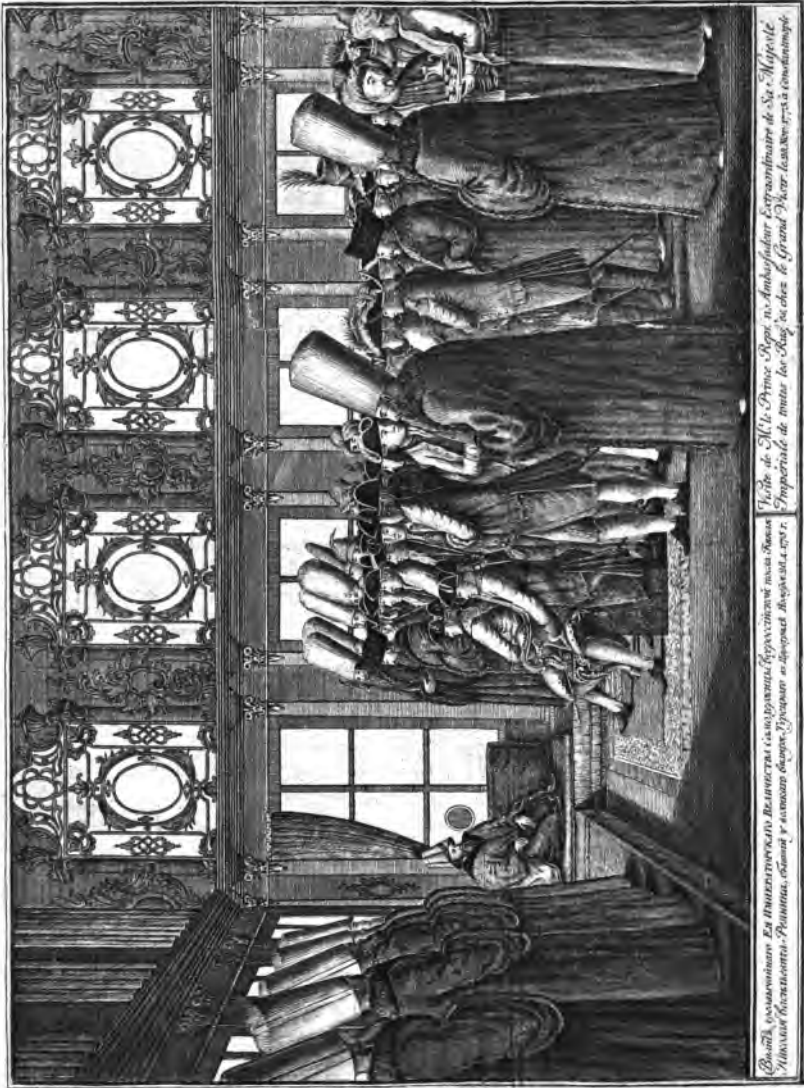
Дозволено цензурю. С.-Петербургъ, 22 августа 1891 г.

Отт 186.5

М
ведом
Г
НЫМ
ТОРСК
почет
Об
наго
НЫМ
Мини
А,
II
Конст

Вид
сылку

Дворъ въ замкѣ въ Антверпенѣ. Въ числѣ сапожниковъ, бравшихъ свои башмаки
 Алонсо Баскелонти-Ривинти, ездилъ въ Москву въ 1675 г.
 Портретъ въ Антверпенѣ. Въ числѣ сапожниковъ, бравшихъ свои башмаки
 Алонсо Баскелонти-Ривинти, ездилъ въ Москву въ 1675 г.

РУССКІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЪ ЦАРЬГРАДѢ.

1496—1891 гг.

Одна изъ первыхъ державъ, съ которою турки, утвердившіеся въ Константинополѣ, пожелали вступить въ сношенія, была Россія.

Уже Магометъ II, счастливый соперникъ Палеологовъ, вырвавшій изъ рукъ грековъ лучшую жемчужину византійской короны и сокрушившій самое ихъ царство, изъявлялъ желаніе, какъ о томъ пишетъ царь Іоаннъ III въ своей грамотѣ къ султану Баязиду II, «чтобъ между нами ходили послы здоровья нашего видѣть»¹⁾. Но желаніе это могло осуществиться лишь при преемникѣ и сынѣ завоевателя Царьграда—Баязидѣ II.

Первоначальныя сношенія между Москвою и Портою возникли на мирной почвѣ торговыхъ вопросовъ.

Русскіе гости (купцы) уже издавна вели оживленную торговлю съ Кафой (Феодосіей), Азовомъ, Бруссою и Константинополемъ въ особенности съ того времени, какъ водный донской путь сталъ болѣе безопаснымъ отъ кочевниковъ Золотой и Ногайской орды.

Въ половинѣ XV вѣка турки стали твердо ногою въ Крыму на развалинахъ генуэзскихъ колоній, заняли Кафу и Азовъ, сдѣлавъ крымскаго хана данникомъ султана, что, въ свою очередь, не могло не привести ихъ въ общеніе съ сосѣдями крымцевъ—русскими.

Кромѣ вопросовъ сосѣдства и торговыхъ, къ сближенію съ Россією турокъ побуждали въ послѣдствіи и соображенія политическія—имъ было во всякомъ случаѣ выгоднѣе быть въ дружествен-

---

¹⁾ Собр. государств. грам. и догов. V, 22 и 23.

ныхъ отношеніяхъ съ московскимъ царемъ, врагомъ Литвы и Польни, всегдашнихъ участниковъ враждебныхъ коалицій западно-европейскихъ державъ противъ Оттоманской имперіи.

Къ сближенію съ Россією турки относились съ тѣмъ болѣею предупредительностью, что самая страна эта представлялась имъ не столь чуждою, какъ всѣ остальные государства Западной Европы: весь складъ жизни тогдашней Руси, обликъ и самое одѣяніе ея обитателей были туркамъ болѣе по сердцу, казались имъ болѣе своими, вызывали въ нихъ чувство пріязни къ сѣверному государству, тогда еще далеко не могущественному.

Въ 1445 г. турки задержали въ Аккерманѣ Бессарабскомъ дьяка Федора Курицына, возвращавшагося отъ венгерскаго короля Матвѣя Корвина. «И ко тому человѣку Федору», пишетъ въ 1486 г. Іоаннъ III къ крымскому хану Менгли-Гирею, «говорили паши большіе, со словъ турецкаго султана, что султанъ хочетъ со мною дружбы; узнай же для меня, какой дружбы со мною хочетъ турецкій султанъ и дай знать мнѣ о томъ съ моимъ бояриномъ Симеономъ» (Борисовымъ) ¹⁾. Отвѣтъ на это письмо получился въ 1488 году. Менгли-Гирей писалъ: «Турецкаго султана слово таково: если великій князь тебѣ, Менгли-Гирею, другъ да братъ, то и я также хочу быть съ нимъ въ дружбѣ и братствѣ, я же совѣтую брату моему великому князю, чтобы онъ послалъ своихъ пословъ къ турецкому султану» ²⁾. Въ заключеніе Менгли-Гирей передаетъ, что султанъ поручилъ ему освѣдомиться, по какому случаю русскіе купцы не ѣздятъ больше въ Кафу и Азовъ.

Въ своей отвѣтной грамотѣ къ Баязиду II Іоаннъ прямо высказываетъ, что не отпускаетъ купцовъ въ Кафу и Азовъ изъ-за притѣсненій и всяческихъ обидъ, чинимыхъ имъ въ этихъ городахъ, «чего прежде не бывало»,—вспоминаетъ о желаніи Магомета II о взаимной посылкѣ пословъ и проситъ отвѣтить ему по всѣмъ этимъ вопросамъ, приславъ свою грамоту.

Въ виду дружественныхъ заявленій Іоанна III, султанъ послалъ въ 1493 г. своего посла, но ему не удалось добраться до Москвы: въ Кіевѣ онъ былъ задержанъ по распоряженію великаго князя литовскаго, Александра, и вынужденъ былъ вернуться во свояси. Свой образъ дѣйствій литовскія власти объясняли такъ: «Предъ тѣмъ никогда такіе послы изъ Турціи чрезъ землю государя нашего (Александра) не хаживали, поэтому государь нашъ того посла велѣлъ вернуть до его государя, отколѣ пріѣхалъ, абы такіе послы нашихъ земель государскихъ не пересматривали». Очевидно, опасеніе соглядатайства со стороны турецкаго посла было лишь предлогомъ; истинною же причиною было нежеланіе Але-

¹⁾ Моск. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ. Крымскія дѣла, № 1, стр. 111.

²⁾ Ibid., стр. 176.

ксандра, находившагося въ постоянной враждѣ съ Іоанномъ, пропустить въ Москву дружественное посольство столь могущественнаго султана ¹⁾.

Свѣдавъ о неудачномъ исходѣ перваго турецкаго посольства, Іоаннъ III рѣшилъ отправить въ Константинополь въ 1496 г. своимъ посломъ стольника Михаила Андреевича Плещеева другимъ путемъ, не только ради установленія взаимныхъ дружественныхъ сношеній но дабы, воспользовавшись благорасположеніемъ султана, выговорить прежде всего облегченія для русской торговли на черноморскомъ побережьи.

Въ наказѣ, данномъ Плещееву при выѣздѣ изъ Москвы, было, между прочимъ, сказано: «пришедши поклонъ править стоя, а на колѣни не садиться», «если будутъ у турецкаго султана отъ иныхъ государей послы, то ему (Плещееву) ни подъ которымъ посломъ не садиться» и, наконецъ, «посольскія рѣчи говорить самому султану, а отнюдь не пашамъ».

Кромѣ самого Плещеева, въ составъ посольства входили: «посоль же» Константинъ Авксентьевъ, подъячій Радюка Должиковъ, сокольникъ Лука и толмачъ Кудашъ.

Въ Константинополь Плещеевъ былъ принятъ съ особымъ почетомъ; ему, по обычаю, прислали шубу и богатые дары, а паши пригласили на обѣдъ. Не знакомый съ обычаями турецкаго двора и проникнутый духомъ своего наказа и опасеніемъ, какъ бы не умалить достоинства посланшаго его государя, Плещеевъ отослалъ подарки назадъ, на обѣдъ не поѣхалъ, а посланцу отъ великаго визиря отвѣтилъ: «Мнѣ съ пашами рѣчи нѣтъ, я пашино платье не вдѣваю и денегъ ихъ не хочу, — мнѣ съ султаномъ говорить».

Подобный тонъ рѣчей русскаго посла, составлявшій рѣзкую противоположность съ тѣмъ, къ которому приучили турокъ представители другихъ западныхъ державъ, вызвалъ неудовольствіе Баязида II. Султанъ повелѣлъ немедленно же послѣ аудіенціи отпустить Плещеева, снабдивъ его тѣмъ не менѣе отвѣтными грамотами, удостоверяющими успѣшность русскихъ стараній къ достиженію цѣли, служившей главнымъ предметомъ перваго московскаго посольства. Султанъ увѣряетъ въ своихъ грамотахъ, что имъ приняты мѣры противъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій и несправедливостей относительно гостей московскаго великаго князя и повторяетъ просьбу отпустить попрежнему русскихъ купцовъ въ Кафу, заканчивая такъ: «о чемъ каково дѣло будетъ, съ любовью, что ти на мысль придетъ, безъ зазрѣнія ко мнѣ написавъ, пришли, то предъ тобою готово. Тебѣ великій поклонъ и кто тебя любить и меня любить и тому великій поклонъ».

¹⁾ «Начало сношеній Россіи съ Турціей», Неклюдова, 13.

Только стороною, въ письмѣ къ Менгли-Гирею, Баязидъ жаловался на надменность Плещеева.

Изъ исторіи не видно, возлагалось ли затѣмъ на Плещеева исполненіе какихъ-либо дипломатическихъ порученій—извѣстно лишь, что онъ посвятилъ себя военной службѣ: въ походахъ Василія Іоанновича 1513 и 1522 годовъ онъ упоминается въ числѣ воеводъ. Впослѣдствіи Плещеевъ подвергся опалѣ изъ-за противодѣйствія, оказаннаго имъ при разводѣ Василія съ Соломонидой Сабуровой, браку царя съ Еленой Глинской. Въ 1532 г., по случаю рожденія у Елены сына, опала была снята съ Плещеева, при чемъ съ него была взята запись не приставать впредь къ лиходѣямъ великаго князя и Елены.

Какъ бы то ни было, со времени перваго московскаго посольства, царскіе послы пріобрѣли себѣ въ Константинополѣ исключительно почетное положеніе: они заручились правомъ не становиться предъ султаномъ на колѣни, не цѣловать пола и говорить «рѣчи» султану, а не великому визирю или другимъ пашамъ. Султаны продолжали принимать съ благосклонностью и послѣдующія московскія посольства, не смотря на то, что наши послы продолжали относиться съ щепетильностью къ соблюденію даже мелочей этикета, которыя на Востокѣ, впрочемъ, и донинѣ имѣютъ столь большое значеніе. Никогда не подвергались они оскорбительному обращенію, не бывали биты и выгоняемы въ толчки изъ залы Дивана, что сплошь и рядомъ выпадало на долю представителей западно-европейскихъ державъ, въ то время гораздо болѣе могущественныхъ, чѣмъ Россія ¹⁾).

Конечно, начиная съ XVIII вѣка, русскихъ представителей при объявленіи войны Россіи засаживали въ Семибашенный замокъ, согласно обычаю, соблюдавшемуся въ подобныхъ случаяхъ по отношенію ко всѣмъ вообще представителямъ иностранныхъ державъ. Но мѣра эта, какъ мнѣ кажется, имѣла характеръ не карательный, а скорѣе характеръ военной предосторожности, вытекавшей изъ опасенія Порты какъ бы отпущенный по случаю начавшейся войны въ свое отечество иностранный дипломатъ не передалъ своему правительству о военныхъ распоряженіяхъ Оттоманской Порты, принятыхъ ею въ послѣднюю предъ разрывомъ минуту.

Вторымъ московскимъ посломъ къ Баязиду былъ Алексѣй Яковлевичъ Голохвастовъ. Онъ былъ посланъ въ 1499 году къ султану для исходатайствованія московскимъ торговымъ людямъ разныхъ выгодъ въ турецкихъ владѣніяхъ. Отправился онъ изъ Москвы въ мартѣ мѣсяцѣ, а съ нимъ много купцовъ, въ Азовъ рѣкою Дономъ, а возвратился 6-го февраля 1500 г. съ отвѣтными

¹⁾ Подробнѣе въ моемъ очеркѣ «Представители европейскихъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ».

грамотами Баязида и сына его Шахзаде, владѣтеля Крыма. Въ сентябрѣ 1501 г. ему снова пришлось ѣхать посломъ въ Крымъ къ Шахзаде съ требованіемъ, чтобы азовскіе татары, убившіе посланнаго отъ великаго князя въ Константинополь и Кафу Андрея Кутузова, были наказаны.

Любимецъ архіепископа Геннадія, свергнутаго съ святительскаго престола въ 1505 г., дьякъ Михаилъ Ивановичъ Алексѣевъ (Гостенковъ) былъ отправленъ великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ 15-го декабря 1512 г. посломъ въ Константинополь къ Селиму съ поздравленіемъ по случаю восшествія султана на престолъ и былъ принятъ весьма благосклонно. Выѣхавъ изъ Царьграда уже въ сопровожденіи султанова посла, онъ прибылъ съ нимъ въ маѣ 1514 г. въ Москву, гдѣ этого перваго еще турецкаго посла Камала, князя мангупскаго приняли съ величайшею пышностью.

Взаимныя отношенія между Россією и Турціей въ началѣ XVI вѣка были настолько дружественны, что возникла мысль о заключеніи между двумя державами оборонительнаго и наступательнаго союза, для чего въ 1515 г. въ Царьградъ былъ посланъ сначала Коробовъ, а затѣмъ, въ 1519 г., Борисъ Голохвостовъ.

Ближній дворянинъ великаго князя Василя Іоанновича, Василий Андреевичъ Коробовъ, былъ отправленъ 15-го марта 1515 г. съ возвращавшимся въ Константинополь турецкимъ посломъ. Василий писалъ съ Коробовымъ въ отвѣтной грамотѣ къ Селиму I о вѣроломствѣ Крымскаго хана Менгли-Гирея и просилъ, чтобы султанъ запретилъ хану дружить съ Литвою. Въ то же время Коробову было поручено стараться о заключеніи союза между Россією и Турцією съ обязательствомъ помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ, особенно противъ Литвы и Крыма, ежели Менгли-Гирей не отступится отъ Сигизмунда. Коробовъ не успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: Селимъ писалъ къ Василю, что для переговоровъ о союзѣ пришлетъ въ Москву новаго посла, но, занятый персидскою войною, не сдержалъ слова. Коробову удалось, однако, заключить съ Портою торговый трактатъ о свободной торговлѣ русскимъ купцамъ въ Азовѣ и Кафѣ. Въ Москву Коробовъ вернулся 19-го февраля 1516 года.

Борисъ Голохвостовъ посланъ былъ изъ Москвы въ мартѣ 1519 г. и благополучно вернулся 8-го января 1521 г. съ отвѣтомъ султана хотя и ласковымъ, но не подвинувшимъ впередъ вопроса о болѣе тѣсномъ союзѣ между Россією и Турціей.

Съ начала же XVI вѣка идутъ попытки установить прямыя сношенія съ подвластными султану православными христіанами, задача эта была возложена на стольника Ѳедора Григорьевича Адашева, отца знаменитаго впоследствии любимца Грознаго—Алексѣя Адашева. Въ первый разъ Ѳедоръ Адашевъ ѣздилъ посломъ въ Константинополь въ 1534 г. для возвѣщенія о кончинѣ великаго

князя Василя и о воцареніи трехлѣтняго Иоанна. Вторично же онъ былъ отправленъ туда въ 1539 г. уже для врученія дружественныхъ грамотъ султану и патриарху, какъ представителю мѣстныхъ православныхъ.

Дружественныя отношенія между Россією и Турцією нѣсколько омрачились, когда Россія завоевала себѣ два мусульманскихъ царства—Казанское въ 1552 г. и Астраханское въ 1554 г. Считая себя повелителемъ всѣхъ правовѣрныхъ и сюзереномъ правителей обоихъ этихъ царствъ, султанъ не могъ отнестись равнодушно къ покоренію русскими областей, населенныхъ татарами-мусульманами и, получивъ жалобы отъ астраханцевъ, что государь московскій, «побравъ юрты басурманскія, взялъ Казань да Астрахань, раззоривъ басурманство», Седимъ II сдѣлалъ попытку придти на помощь своимъ единовѣрцамъ. Семнадцатитысячное турецкое войско направилось въ 1569 г. изъ Кафы въ Астрахань, но понесло отъ лишеній всякаго рода столько потерь, что, подойдя къ Астрахани и получивъ извѣстіе (оказавшееся ложнымъ), что какъ въ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ стоитъ многочисленное московское войско, оно поспѣшило отступить и ни съ чѣмъ вернулось въ Кафу.

Дабы совершенно успокоить турокъ и возобновить прежнія дружественныя отношенія посланъ былъ къ султану въ 1569 же году Иванъ Новосильцевъ съ увѣреніемъ, что ни въ Казани, ни въ Астрахани магометанскимъ кушамъ не будетъ дѣлаемо никакихъ притѣсненій.

Вслѣдъ за нимъ въ мартѣ 1571 г. посланъ былъ въ Константинополь Андрей Ищенинъ-Кузьминскій съ объявленіемъ, что царь Иоаннъ Васильевичъ соглашается уничтожить крѣпость въ Кабардѣ и даетъ свободный пропускъ торговымъ людямъ изъ Астрахани въ Турцію. Изъ своего посольства Ищенинъ возвратился въ декабрѣ 1572 г.

Въ царствованіе Θεодора Иоанновича, Григорій Аванасьевичъ Нащокинъ былъ отправленъ, чрезъ Кафу, въ Константинополь требовать, чтобы султанъ Мурадъ запретилъ хану крымскому, азовцамъ и бѣлогородцамъ (т. е. жителямъ Акъ-Кермана) «воевать Россію изъ признательности къ дружеству ея». Визирь отвѣтилъ, что султанъ тогда повѣритъ дружбѣ царя, когда онъ согласится отдать султану Астрахань и Казань и что султанъ не повелитъ хану тревожить Россію, «буде царь сведетъ съ Дону казаковъ своихъ и разрушитъ четыре новыя крѣпости, основанныя ими на берегахъ этой рѣки и Терека». Въ противномъ случаѣ «онъ не только велитъ хану и ногаямъ безпрестанно воевать Россію, но и самъ пойдетъ на Москву». На это Нащокинъ возразилъ, что Астрахань и Казань нераздѣльны съ Москвою, что же до казаковъ, то царь велитъ выгнать ихъ изъ окрестностей Дона, гдѣ нѣтъ никакихъ русскихъ крѣпостей. Онъ предложилъ визирю войти по этому

вопросу въ переговоры съ царемъ чрезъ султанскаго посла. Визирь сперва на то не соглашался, но потомъ, однако, рѣшился отправить въ Москву Чауша Резвана съ требованіями, объявленными Нащокину, а царь, въ свою очередь, съ отвѣтомъ и дарами послалъ въ 1594 г. Данила Ивановича Исленьева въ Константинополь, гдѣ онъ былъ задержанъ до 1597 г. Слѣдомъ посольства Нащокина были весьма любопытныя донесенія его о тогдашнемъ состояніи Оттоманской имперіи.

Въ виду важнаго значенія, прибрѣтеннаго для Россіи, въ особенноти начиная съ смутнаго времени, Польшей, Россія старалась привлечь для дѣйствій противъ нея Порту. Первые русскіе послы, явившіеся въ Константинополь для переговоровъ по дѣламъ польскимъ въ 1622 г. прибыли въ неудачную пору: турецкіе савонники прямо объявили имъ, что «теперь не до нихъ, возстали-де янычары и убили султана (Османа II)». Однимъ изъ этихъ пословъ былъ бояринъ Иванъ Гавриловичъ Кондыревъ, который въ 1615 г. былъ посланъ ко двору французскаго короля Людовика XIII возвѣстить о вступленіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова и предложить руку царя одной изъ французскихъ принцессъ.

Въ 1634 г. Василій Андреевичъ Коробкинъ былъ посланъ въ Константинополь уже прямо съ предложеніемъ союза противъ Польши, но Порты имѣла тогда свои причины быть недовольною Россією.

Новыя несогласія съ Турцією произошли изъ-за казаковъ въ концѣ XVI столѣтія ставшихъ на югѣ передовымъ военнымъ постомъ русскаго царства и нападавшихъ на владѣнія султанскаго данника—крымскаго хана, и на турецкихъ торговыхъ людей. Много нужно было искусства московскому правительству, чтобы въ теченіе всего XVII вѣка съ успѣхомъ выходить изъ затруднительнаго положенія между покровительствомъ казакамъ и рѣзкими упреками Порты на московское потворство имъ. Предъ Портою оно отрекалось отъ всякой солидарности съ казаками, обзывая ихъ самыми послѣдними словами. Съ самими же казаками оно поддерживало дружественныя сношенія и посылало имъ жалованье, деньги, сукна, вино и другіе запасы. Когда же въ 1637 г. казаки захватили Азовъ и успѣшно отбили двадцать четыре приступа двухъ-сотъ-сорока-тысячнаго турецкаго войска, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ писалъ имъ въ 1641 г.: «мы васъ за эту вашу службу, радѣнье, промыселъ и крѣпкостоятельство милостивно похваляемъ... и вы бы атаманы и казаки службу свою, дородство, храбрость и крѣпкостоятельство къ намъ совершали, своей чести и славы не теряли, за истинную, православную христіанскую вѣру и за насъ великаго государя стояли по прежнему крѣпко и неподвижно и на нашу государскую милость и жалованье во всемъ были надежны».

Для окончательнаго рѣшенія вопроса, какъ поступить относительно Азова, принять ли его отъ казаковъ, или отступить, созвана была въ 1642 году великая земская дума, на которой русская земля заявила о своемъ истощеніи и неготовности къ борьбѣ и что принятіе Азова вовлечетъ Россію въ опасную для нея войну съ Турціею. Въ виду такого заявленія царь Михайль Ѳеодоровичъ рѣшилъ не принимать Азова и въ 1643 году послалъ въ Константинополь уполномоченныхъ стольника Илью Даниловича Милославскаго и дьяка Леонтя Лазаревскаго, которые, кромѣ увѣренія султана въ дружбѣ къ нему царя русскаго, должны были объявить, что царь заставилъ казаковъ сдать Азовъ и «что впередъ за нихъ стоять и помогать государь не будетъ и ссоры изъ-за нихъ никакой не хочетъ». Впослѣдствіи этотъ Милославскій, дворянинъ незнатнаго происхожденія, выведенный въ люди дядею своимъ, дьякомъ Грамотинымъ, игралъ видную роль въ Москвѣ. Въ 1648 г. на его дочери женился царь Алексѣй Михайловичъ и Милославскій воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы нажитья до того, что своими поступками возбудилъ противъ себя даже народъ.

Въ открытую войну съ Турціею Россія вовлечена была изъ-за перехода гетмана Дорошенка со всѣмъ Запорожьемъ въ русское подданство. Послѣ чигиринскихъ походовъ 1677 и 1678 годовъ, во время которыхъ Россія тщетно ожидала отъ Польши обѣщанной помощи, царь Алексѣй Михайловичъ послалъ въ Царьградъ въ 1681 г. одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дипломатовъ— дьяка Прокофія Богдановича Возницына, заключившаго миръ и успѣвшаго принудить султана отказаться отъ своихъ притязаній на Украину.

Черезъ пять лѣтъ произошелъ новый разрывъ съ Портою, благодаря участію принятому Россіею въ священномъ союзѣ направленномъ противъ Турціи и составленномъ изъ Венеціи, Австріи, Польши и Россіи. Этой послѣдней предлежало дѣйствовать противъ крымскихъ татаръ и съ тѣмъ вмѣстѣ отвлекать ихъ отъ паденія на польскія владѣнія.

Дѣйствія русскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ знаменитаго любимца царевны Софіи, князя Василя Голицына, были неудачны. Лишь съ того времени, какъ Петръ сталъ единолично править государствомъ, событія приняли другой оборотъ, — въ 1696 г. русскіе взяли Азовъ, Шереметевъ одержалъ побѣды въ низовьяхъ Днѣпра.

Пораженія понесенныя турками въ борьбѣ съ Австріею и Венеціею, паденіе Азова, броженіе въ Молдавіи и Валахіи и тяжелое внутреннее положеніе заставили Порту склониться на тягостный для нея миръ. Въ 1698 г. въ Карловицахъ съѣхались уполномоченные воевавшихъ державъ, а также и Англіи, Голландіи и Франціи. Русскимъ представителемъ на этомъ конгрессѣ былъ Проко-

фій Возницынъ, который послѣ своего константинопольскаго посольства участвовалъ въ посольствѣ Петра къ европейскимъ дворамъ, вмѣстѣ съ Лефортомъ и Головинымъ, въ 1698 г. велъ въ Вѣнѣ переговоры о мирѣ съ Оттоманскою Портою и былъ посланъ оттуда въ Карловицы. Подъ конецъ жизни, вслѣдствіе происковъ противъ него при дворѣ, онъ потерялъ прежнее значеніе и умеръ въ безвѣзвѣстности.

Карловицкій конгрессъ, между прочимъ, любопытенъ тѣмъ, что не только нейтральныя державы стараются ослабить результаты военныхъ успѣховъ священнаго союза, но и сами союзники проявляютъ опасеніе какъ бы тотъ или другой изъ нихъ не слишкомъ воспользовался на счетъ Турціи плодами побѣдъ своихъ.

Несмотря на протестъ Возницына, требовавшаго чтобы союзники предварительно сговорились между собою относительно тѣхъ условій, которыя каждый изъ нихъ поставитъ Портѣ, австрійскій дворъ заявилъ, что на конгрессѣ «каждый будетъ наблюдать свои выгоды и станетъ требовать по своему желанію, цесарю же и знать неуютно, кто чего себѣ желаетъ». Австрія, не заботясь о союзникахъ, успѣшила заключить съ Турціею отдѣльный миръ; пользуясь этимъ обстоятельствомъ турки получили возможность торговаться относительно Польши, Венеціи и Россіи. Результатомъ того было, что Возницынъ уѣхалъ съ конгресса, успѣвъ заключить лишь перемиріе на два года. Донося Петру о неудачномъ исходѣ переговоровъ, Возницынъ жалуется на себялюбіе союзниковъ, которые «всѣ себя удовольствовались, а русскаго царя оставили».

Петръ Великій назначилъ въ Константинополь для окончательныхъ переговоровъ чрезвычайнымъ посланникомъ думнаго дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева, одного изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей XVII вѣка. Уже въ 1681 г., будучи думнымъ дьякомъ, онъ участвовалъ въ составленіи акта объ отмѣнѣ мѣстничества. Любимецъ князя В. В. Голицына, Украинцевъ, во время Софіи, управлялъ самовластно всѣми дѣлами посольскаго приказа, ѣздилъ въ Швецію, Данію и Голландію съ дипломатическими порученіями; такія же порученія исполнялъ онъ въ Малороссіи и въ Варшавѣ. Правда, послѣдніе годы его служебной дѣятельности были гораздо менѣ блестящи. По возвращеніи изъ Константинополя, Украинцевъ, сдѣланный уже думнымъ совѣтникомъ, былъ назначенъ управляющимъ провіантскимъ приказомъ, но за страшныя взятки и злоупотребленія былъ въ 1704 г. битъ дубьемъ, лишился своего мѣста и ему было велѣно на свой счетъ сдѣлать на Преображенскій и Семеновскій полки епанчи и 1,400 шляхъ. Тѣмъ не менѣ какъ человѣкъ полезный и знающій дипломатическую часть, Украинцевъ употреблялся для переговоровъ и умеръ въ 1708 г. въ Загребѣ.

Условія, на которыхъ Украинцевъ долженъ былъ договариваться съ Портою, были тѣ же, что и поставленныя Возницынымъ въ Карловицахъ: Россія удерживаетъ за собою всѣ свои завоеванія, слѣдовательно и Азовъ, и въ вознагражденіе за убытки отъ набѣговъ турокъ получаетъ Керчь, — но, въ дополненіе къ наказу, Украинцеву велѣно было домогаться учрежденія торговли между Россією и Турцією посредствомъ Чернаго моря.

Для подкрѣпленія своихъ требованій, Петръ отправилъ Украинцева не сухопутьемъ, а на военномъ 46-ти пушечномъ кораблѣ «Крѣпость», приказавъ ему, по прибытіи въ Константинополь, бросить якорь противъ Сераля, съ пушечною пальбою.

Появленіе въ сентябрѣ 1699 года въ Босфорѣ перваго военного русскаго корабля произвело сильное впечатлѣніе, непріятно поразивъ не столь самихъ турокъ, какъ бывшихъ въ Константинополѣ иностранныхъ пословъ, которые и постарались всячески затруднить переговоры Украинцева съ Портою. Особенно враждебно относились къ русскому посланнику послы англійскій и голландскій. «Отъ пословъ», жалуется Украинцевъ, «отъ цесарскаго, венеціанскаго, англійскаго и голландскаго не видимъ мы никакой себѣ помощи, всѣ они лицемеры и навѣтники». Приходилось уступать одно требованіе за другимъ. Если сами турки не могли выдумать возраженія противъ того или другого требованія, то представители западно-европейскихъ державъ научали турокъ какъ говорить.

Наконецъ, 3-го іюля 1700 г. уполномоченные Россіи и Турціи подписали трактатъ, по которому крымская дань уничтожается, Азовъ остается за Россіей,—въ Константинополѣ дозволяется Россіи имѣть постоянного посланника, которому предоставлены будутъ всѣ права и преимущества дарованныя посланникамъ прочихъ европейскихъ державъ. Что же касается до торговаго судоходства по Черному морю, то переговоры о немъ рѣшено было оставить до пріѣзда «торжественнаго» посла, который прибудетъ въ Константинополь съ ратификаціями вновь заключеннаго трактата.

Такимъ посломъ былъ назначенъ бывшій предъ измѣною Мазепы губернаторомъ Кіева, ближній стольникъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, будущій дѣйствительный тайный совѣтникъ, глава партіи Голицыныхъ и Долгорукихъ, возведшей, послѣ смерти Петра II, на престолъ Анну Іоановну; дорого заплатилъ онъ впоследствии за ограничительныя условія предъявленныя имъ императрицѣ: Биронъ засадилъ князя Голицына въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ въ 1738 году.

Переговоры князя Голицына съ Портою не увѣнчались успѣхомъ и попрежнему, Черное море и проливы остались закрыты для русскаго торговаго судоходства¹⁾. Реисъ-эфенди (турецкій ми-

¹⁾ «Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ», Уляницкаго, 34.

нистръ иностранныхъ дѣлъ) далъ такой отвѣтъ князю Голицыну: «султанъ смотритъ на Черное море какъ на домъ свой внутренній, куда нельзя пускать чужеземца; скорѣе султанъ начнетъ войну, чѣмъ допустить ходить кораблямъ по Черному морю»¹⁾.

Такимъ образомъ, посольство князя Голицына не повело къ открытію Чернаго моря и проливовъ для русскаго торговаго судоходства. Послѣ несчастнаго Прутскаго похода и возвращенія туркамъ Азова нечего было и надѣяться достигнуть признанія Портою свободы русскаго судоходства въ Черномъ морѣ, — хотя въ Прутскомъ договорѣ и была признана обоюдная свобода торговли, но только сухопутной. Лишь послѣ четырехъ кровопролитныхъ войнъ, Россія получила непосредственный доступъ къ Понту Эвксинскому, завладѣла его побережьемъ и получила для своего черноморскаго флота всѣ тѣ права, которыхъ, начиная съ генеральнаго Петра, она добивалась такъ страстно и такъ упорно.

Право имѣть постояннаго посланника въ Константинополь было отнято у Россіи Прутскимъ договоромъ, но затѣмъ восстановлено по трактату 1720 года, а одинъ изъ пунктовъ Вѣлградскаго трактата прямо опредѣлилъ, что русскій посланникъ въ Царьградѣ будетъ пользоваться преимуществами предоставленными посланникамъ великихъ европейскихъ державъ. По 5-му артикулу Кучукъ-Кайнарджійскаго договора русскому посланнику при Портѣ Оттоманской предоставлялось мѣсто «безпосредственно за цесарскимъ министромъ, если онъ въ равномъ съ нимъ характерѣ, когда же другого, то есть бѣльшаго или меньшаго, тогда безпосредственно долженъ онъ слѣдовать за голландскимъ посломъ, а въ небытность онаго за венеціанскимъ»²⁾.

Первымъ постояннымъ посланникомъ нашимъ въ Турціи былъ Петръ Андреевичъ Толстой, при Алексѣѣ Михайловичѣ и Θεодорѣ Алексѣевичѣ бывшій стольникомъ; потомъ онъ служилъ въ Семёновскомъ и Преображенскомъ полкахъ, часто былъ посылаемъ Петромъ I съ дипломатическими порученіями въ разныя мѣста и, между прочимъ, сопровождалъ государя въ его путешествіи въ Голландію и Парижъ. Въ молодости онъ участвовалъ въ стрѣлечкомъ бунтѣ и избавленъ отъ казни самимъ Петромъ, который, по прошествіи многихъ лѣтъ, за обѣдомъ, будучи въ веселомъ расположеніи духа, сорвалъ парижъ съ Толстого и ударивъ рукою по головѣ, промолвилъ: «голова, голова! еслибъ ты не такъ была умна, то давно была бы отсѣчена»³⁾.

Появленіе Толстого въ 1702 г. въ Константинополь вызвало непріятное удивленіе, какъ въ турецкихъ правительственныхъ

¹⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. XV, 76.

²⁾ «Договоры Россіи съ Востокомъ», Юзефовича, 28.

³⁾ Записки Порошина.

сферахъ, такъ и, въ особенности, въ европейскихъ послахъ, недоумѣвавшихъ, зачѣмъ понадобился Россіи постоянный посоль въ Стамбулѣ при незначительности числа проживавшихъ тамъ русскихъ подданныхъ и при ничтожности торговыхъ оборотовъ между Россією и Турціей.

Положеніе Толстого, старавшагося склонить Порту, чтобы она уняла набѣги татаръ на русскія границы и не вмѣшивалась въ польскія дѣла, было въ высшей степени тягостное, къ нему отнеслись сразу какъ къ непрошенному гостю. «Въ почтеніи меня презирають», — пишетъ Толстой въ одномъ изъ своихъ донесеній Петру Великому, — «не только предъ цезарскимъ и французскимъ, но и предъ иными послами и житъе мое у нихъ зѣло имъ не любо, потому что запазушные ихъ враги греки намъ единовѣрцы и есть въ туркахъ такое мнѣніе, что я живучи у нихъ буду разсѣвать во христіанъ слова, подвигая ихъ противъ бусурманъ, для того крѣпкій заказъ грекамъ учинили, чтобы со мною не видались и страхъ учинили всѣмъ христіанамъ, подъ игомъ ихъ пребывающимъ, такой, что близко дома, въ которомъ я стою, христіане ходитъ не смѣютъ и платѣе грекамъ одинаковое съ бусурманами носить запретили, чтобы были отличны отъ турокъ».

Такія строгія мѣры предосторожности противъ сношеній русскаго представителя съ греками внушены были туркамъ французскимъ посломъ, Ферриолемъ, который первый увѣрилъ Порту, что постоянное русское посольство въ Константинополѣ только и можетъ имѣть одну цѣль — поддерживать сношенія русскаго правительства съ православными христіанами Турціи, обострять начавшееся въ средѣ ихъ броженіе противъ правительства турецкаго и, такимъ образомъ, подготовить на Балканскомъ полуостровѣ передовую постъ русской арміи.

Жизнь при такихъ условіяхъ казалась Толстому столь невыносимою, что онъ просилъ объ отозваніи, какъ о томъ свидѣтельствуется слѣдующее письмо къ нему Петра Великаго отъ 7-го марта 1706 г.: «Г. Амбасадеръ! письмо ваше о заключеніи границъ и о прочемъ мы благодарно приняли, на которое и о иныхъ дѣлахъ писалъ къ вамъ пространнѣе г. Адмиралъ. Что же о самой вашей персонѣ, чтобы васъ перемѣнить и то исполнено будетъ впредъ, нынѣ же для Бога не поскучь еще нѣкоторое время быть, больше нужда вамъ тамъ побыть; которыхъ вашихъ трудовъ Господь Богъ не забудетъ и мы никогда не оставимъ. Piter».

Вообще роль представителей иностранныхъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ была, за рѣдкими исключеніями, крайне тяжела и, зачастую, полна униженій всякаго рода: ссорясь другъ съ другомъ, стремясь всѣми возможными способами подорвать въ глазахъ Порты прочіихъ своихъ сотоварищей, они сами роняли себя во мнѣніи турокъ, которые не стѣснялись обращаться съ

ними самымъ унижительнымъ образомъ. А иноземные послы терпѣливо выносили даже побои, за которые имъ же приходилось еще откупаться, зная очень хорошо, что въ большинствѣ случаевъ, ихъ собственныя правительства отступятся отъ нихъ изъ-за выгоды торговыхъ или политическихъ и не отомстятъ за нанесенныя имъ оскорбленія.

При такомъ порядкѣ вещей немислимы были рѣчи представителей христіанскихъ державъ Запада въ пользу христіанскихъ подданныхъ султана.

Разсматривая содержаніе трактатовъ, заключенныхъ съ Турціею западно-европейскими государствами, нельзя не замѣтить одной характеристической черты: всѣ они касаются защиты иностранцевъ, подданныхъ этихъ державъ и умалчиваютъ о покровительствѣ турецкимъ подданнымъ христіанскаго исповѣданія¹⁾.

Въ совершенно иномъ видѣ представляются въ этомъ вопросѣ отношенія Россіи къ Турціи.

Отстаивая свои выгоды политическія и экономическія, русское правительство въ то же время отводило въ сношеніяхъ своихъ съ Портою видное мѣсто и заботамъ чисто духовнымъ, сначала объ участи православной церкви на Востокѣ, а затѣмъ, и объ участи единовѣрцевъ нашихъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, издавна уже всѣми помыслами стремившихся къ единенію съ великимъ сѣвернымъ народомъ въ чаяніи получить отъ него всевозможную помощь и покровительство.

Еще когда и рѣчи не могло быть о возникновеніи восточнаго вопроса, венеціанскій байль при султанскомъ дворѣ, Соранцо, писалъ въ 1576 г. своему сенату: «Москвитяне внушаютъ опасеніе султану по той еще причинѣ, что всякій князь принадлежитъ къ тому же греческому исповѣданію что и народы Болгаріи, Сербіи, Босніи, Мореи и Греціи. Народы эти по этой причинѣ, весьма преданы его имени, будутъ всегда расположены взяться за оружіе и возстать, чтобы сбросить турецкое иго и подчиниться власти московскаго князя».

Одинаковаго мнѣнія о расположеніи къ Россіи турецкой райи держался и епископъ Лезины, Піетро Чедолипи, который въ письмѣ къ папѣ Клименту VIII усиленно подчеркиваетъ, что «вслѣдствіе сходства языковъ иллирійскаго и славянскаго, а также общности вѣроисповѣданія, москвитяне пользуются преданностью ббльшей части европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ подчиненныхъ султану».

Первыя сношенія съ Россіею восточныхъ патріарховъ — единственныхъ тогда представителей турецкихъ христіанъ — ограничи-

¹⁾ «Современное международное право цивилизованныхъ народовъ», Мартенса. т. II, стр. 117.

вались, сначала, просьбами о денежной помощи, но къ нимъ скоро стали примѣшиваться надежды иного рода, выставившія московскихъ царей какъ государей всѣхъ православныхъ. Подобныя отношенія не могли не нравиться московскимъ государямъ, такъ какъ, отвѣчая ихъ сердечной склонности къ угнетаемымъ христіанамъ, они въ то же время увеличивали ихъ собственное значеніе. Посылая щедрыя милостыни восточнымъ патріархамъ и вообще православнымъ Турціи, русскіе цари не переставали выказывать имъ свое сочувствіе и увѣренность въ скорой перемѣнѣ къ лучшему въ положеніи христіанскихъ подданныхъ султана.

Посланный въ 1692 году въ Крымъ гонимомъ Айтемировъ уже заявлялъ требованіе о передачѣ Св. Мѣсть грекамъ, на что ему было отвѣчено: «прежде никогда съ московской стороны въ договорѣ о Гробѣ Господнѣ не бывало; а теперь начато объ этомъ вновь, невѣдомо для чего»¹⁾.

Лишь только нѣсколько окрѣпили силы Россіи, она открыто приняла на себя роль защитницы православныхъ христіанъ въ Турціи, безъ различія ихъ народностей.

Петръ Великій первый явно ступилъ на тотъ путь, которымъ слѣдовала съ незначительными колебаніями русская политика вплоть до нашего времени. Онъ объявилъ себя уполномоченнымъ законами своей вѣры и народности вмѣшиваться въ дѣла Порты, — выступилъ покровителемъ угнетенной райи.

Въ царской грамотѣ, посланной съ полковникомъ Милорадовичемъ въ 1711 г. и предназначавшейся для славянъ Адриатическаго побережья, говорилось, между прочимъ: «видя ихъ (турокъ) такія неправды и призирая на гоненія христіанъ, призвавъ Бога на помощь... имѣемъ намѣреніе идти на нихъ войною дабы не токмо противъ бусурмана отпоръ чинить, но и сильнымъ оружіемъ въ средину владѣнія его вступить и православныхъ христіанъ, аще Богъ допуститъ, отъ поганскаго ига освободить. Съ любезновѣрными и искусными нашими войсками самоперсонально выступаемъ противъ врага, ибо должно презрѣть страхъ и трудность за церковь и православную вѣру и не только воевать, но и послѣднюю каплю крови пролить... мы себѣ иной славы не желаемъ токмо да возможемъ тамошніе христіанскіе народы отъ тиранства поганскаго освободить, православныя церкви тамъ украсить и Животворящій Крестъ возвысить».

Несчастный исходъ Прутскаго похода не позволилъ осуществить предначертанія великаго монарха, но чрезъ нѣкоторое время Россія снова вступаетъ на указанный Петромъ путь открытаго заступничества за православныхъ христіанъ Турціи безъ различія ихъ народностей.

¹⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. XIV, 176.

Понадѣявшись на содѣйствіе мѣстныхъ христіанъ, Петръ Великій попалъ въ Прутскую ловушку и вынужденъ былъ заключить тяжкій миръ и возвратить столь дорогой ему Азовъ туркамъ.

Для переговоровъ объ исполненіи Прутскаго договора были отправлены въ 1711 г. въ Константинополь баронъ Петръ Ивановичъ Шафировъ и генераль-маіоръ графъ Михаилъ Борисовичъ Шереметевъ, сынъ знаменитаго фельдмаршала и самъ побѣдитель шведовъ при Псковскомъ озерѣ. Толстой тѣмъ временемъ все сидѣлъ въ Семибашенномъ замкѣ, куда его засадили при самомъ объявленіи Турціей войны 10-го ноября 1710 г.

Несмотря на противодѣйствіе Карла XII, котораго Толстой предъ войною тщетно старался выпроводить изъ Турціи, Прутскій миръ, благодаря неустанному старанію Шафирова, былъ въ декабрѣ 1711 г. подтвержденъ султаномъ Ахмедомъ III и окончательно подписанъ 5-го апрѣля 1712 г., причемъ Толстой былъ выпущенъ изъ Едикуле.

Извѣщая Головкина о своемъ освобожденіи, Толстой писалъ ему: «съ кровавыми слезами припадая мысленно къ ногамъ вашимъ, молю: буди милостивый предстатель всемилостивѣйшему нашему государю, чтобъ умилосердился надо мною и повелѣлъ бы меня изъ сего преисподняго тартара свободить по десятилѣтнему моему страданію, аще бы дѣламъ государственнымъ мое здѣсь пребываніе полезно было, я бы не стужалъ и не просилъ милости о свободѣ, а нынѣ въ томъ наигоршая моя печаль, что уже я при семь дворѣ, какъ водится, дѣйствовать попрежнему не могу, понеже имѣють ко мнѣ турки великое подозрѣніе и хотя меня освободили изъ тюрьмы, обаче велми презирають, ниже за министра меня почитають, но живу безъ всякаго дѣла и по договору учиненному на рѣкѣ Прутѣ велми того хотять, чтобъ я отсюда поѣхалъ». Государь внялъ его просьбѣ и позволилъ вернуться въ Москву, но турки не пустили его, велѣвъ дожидаться отъѣзда Шафирова и Шереметева.

Болѣе всего тогда интриговали въ Константинополѣ шведы, но и посоль французскій, по донесенію Толстого: «публично излевалъ ядъ злобы своей къ сторонѣ царскаго величества, говоря, что Франція и Англія безотложно намѣрены помогать интересу шведскому».

Въ виду того, что Россія не вывела своихъ войскъ изъ Польши, турки вторично посадили, въ концѣ 1712 г., въ Семибашенный замокъ всѣхъ трехъ русскихъ пословъ, но вскорѣ они были освобождены. Въ 1713 г. ихъ снова собирались посадить въ Едикуле; отъ этого они избавились взяточю въ 120,000 рейхсталеровъ, данною хану крымскому, и заключили, наконецъ, 13-го іюля 1713 г. въ Адрианополѣ новый договоръ въ такой же силѣ какъ и поста-

новленный въ 1712 г. Съ ратификаціей этого мира Петръ Великій отправилъ въ Константинополь посломъ ближняго стольника Дмитрія Бестужева-Рюмина.

Послы принуждены были, однако, остаться въ Царьградѣ до размежеванія границъ между обѣими державами и до очищенія Азова. Шафировъ тогда доносилъ: «и нынѣ многократно животь нашъ въ опасности былъ, понеже нынѣшній визирь Али-паша, зять султанскій и крайній его фаворитъ, зѣло чловѣкъ прегордый и пресвирѣпый многократно при нынѣшнемъ трактованіи смертію намъ угрожалъ, какъ аманатамъ».

Лишь въ концѣ 1714 г. послы наши возвратились въ Москву, и то одинъ изъ нихъ, графъ Шереметевъ, скончался по дорогѣ, въ Кіевѣ, 23-го сентября 1714 г.

Толстой, по возвращеніи, былъ сдѣланъ сенаторомъ и награжденъ многими деревнями, а въ 1724 г. пожалованъ въ графы—это онъ вытребовалъ у императора выдачу царевича Алексѣя Петровича. Въ 1727 г. Толстой былъ обвиненъ въ государственныхъ преступленіяхъ, сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1728 г.

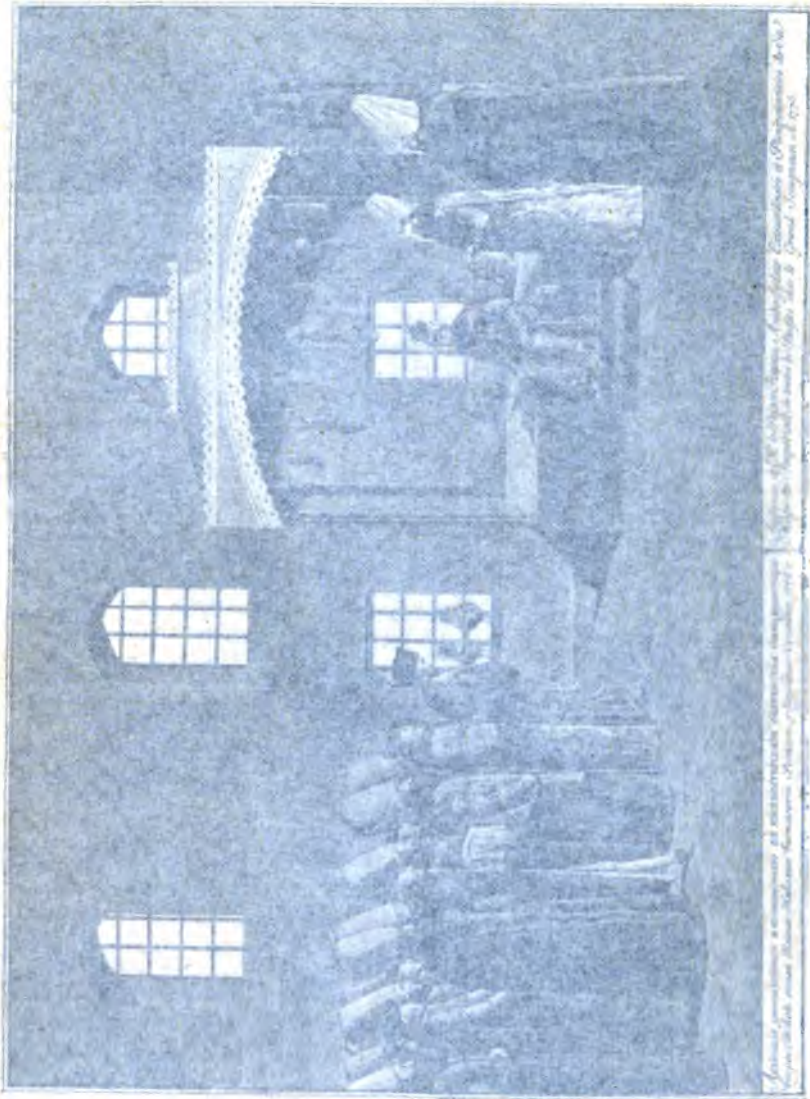
Во время своей послѣдующей служебной дѣятельности баронъ Шафировъ выдѣлялся выдающимися дипломатическими способностями: онъ заключилъ много замѣчательныхъ договоровъ съ иностранными державами. Въ 1723 г., вслѣдствіе ссоры съ Меншиковымъ, былъ приговоренъ къ смерти, но помилованъ во вниманіе своихъ прежнихъ заслугъ, и сосланъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ два года.

Въ 1722 г, на Персію надвинулась туча авганскаго нашествія. Авганцы разбили въ двухъ сраженіяхъ шахскія войска и завладѣли Испаганью. При такихъ обстоятельствахъ Петру нельзя было медлить, тѣмъ болѣе, что турки могли воспользоваться паденіемъ Персіи и утвердиться на берегахъ Каспійскаго моря, которое Петръ считалъ столь же необходимымъ для пользы Россіи, какъ и Балтійское, а потому, чтобы предупредить турокъ, онъ успѣшилъ занять прикаспійскія области Персіи.

Вообще интересы Россіи и Турціи по отношенію къ Персіи по необходимости сталкивались: если христіанское населеніе этой страны, армяне и грузины, прибѣгали къ покровительству русскаго императора, то магометане Закавказья, лезгины, овладѣвшіе Шемахою, искали покровительства султана.

Въ то время представителемъ нашимъ въ Константинополѣ былъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ.

Неплюевъ, въ числѣ прочихъ тридцати чловѣкъ былъ посланъ Петромъ за границу учиться навигаціи. По возвращеніи въ Россію Петръ назначилъ ему вмѣстѣ съ товарищами экзаменъ въ Адмиралтейской коллегіи и, оставшись доволенъ его отвѣтами, произ-

Architectural drawing of a building, showing the exterior and interior views. The drawing is oriented vertically on the page.

новленный въ 1719 г. Съ ратификаціей этого мира Петръ Великій
отправилъ
тріа Бесѣ

После
размежев
Азова. П
нашъ въ
зять сул
дый и
смертію

Лишь
и то оди
въ Кіевѣ
Толст
день мн
это онъ
тровича.
преступл
въ 1728

Во вр
Шафиров
стями: о
странным
ковымъ,
маніе сво
былъ два

Въ 17
Авганцы
дѣли Исп
медить,
Персіи и
считаль
тійское,
занять пр

Вообш
необходим
страны,
скаго им
Шемахою

Въ то
былъ Ива
Непл
Петромъ
Петръ на
ралтейско

Вспомогательная и вспомогательная для жителей города Самары
 восточной части города Самары Самарской губернии Самары 1784 г.

Вспомогательная и вспомогательная для жителей города Самары
 восточной части города Самары Самарской губернии Самары 1784 г.

велъ въ поручики морскаго галернаго флота, причемъ, давая Неплюеву цѣловать свою руку, сказалъ: «видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя подъ старость видѣть достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству». Вскорѣ послѣ этого Петръ опредѣлилъ его смотрителемъ и командиромъ надъ строящимися морскими судами, должность, въ которой онъ почти ежедневно видѣлъ государя, говорившаго обыкновенно про него: «въ этомъ маломъ путь будетъ».

Въ Константинополь Неплюевъ попалъ такимъ образомъ. Въ первыхъ числахъ января 1721 г. былъ трактamentъ для всей знати и для офицеровъ гвардейскихъ и морскихъ, почему былъ тутъ и Неплюевъ. Петръ былъ очень веселъ и скоро началъ такой разговоръ: «надобенъ мнѣ человекъ, который бы зналъ итальянскій языкъ, для посылки въ Константинополь резидентомъ». Головкинъ замѣтилъ, что такого не знаетъ, «а я знаю, — сказалъ Апраксинъ. — очень достойный человекъ, да та бѣда, что очень бѣденъ». «Бѣдность не бѣда, — возразилъ государь, — этому помочь можно скоро, но кто это такой?» «Да твой хваленый, что у галернаго строенія», — отвѣчалъ Апраксинъ. Петръ взглянулъ на Неплюева и молвилъ: «Это правда, что онъ хорошъ, да мнѣ бы хотѣлось его у себя имѣть». Но потомъ, подумавъ, государь приказалъ послать Неплюева «ко двору султана Турскаго въ характерѣ резидента». Когда тотъ подошелъ къ царю благодарить, упалъ въ ноги, цѣловалъ ихъ и плакалъ, то Петръ поднялъ его и сказалъ: «не кланяйся, братецъ; я вамъ отъ Бога приставникъ, а должность моя смотрѣть того, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь — не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худъ — такъ я истецъ: ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ требуетъ, чтобъ злomu и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрою и правдою, въ началѣ Богъ, а по Немъ и я долженъ буду не оставить тебя»¹⁾.

При назначеніи Неплюева резидентомъ ему было положено жалованье по три тысячи рублей въ годъ и, кромѣ того, выдано единовременно пособіе на подъемъ въ тысячу рублей.

Переговоры Неплюева съ Портою объ удовлетвореніи за обиды причиненныя лезгинами русскимъ купцамъ при взятіи Шемахи тормовились враждебными усиліями пословъ англійскаго и венеціанскаго и резидента австрійскаго, которые открыто заявляли, что вступившій въ Персію русскій государь «когда возьметъ области Ширванскую, Эриванскую и часть Грузіи, то оттуда близко и къ Трапезунту, отчего современемъ можетъ быть турецкой имперіи крайнее раззореніе». Впрочемъ, тогдашній великій визирь былъ

¹⁾ Жизнь Неплюева имъ самимъ написанная. «Отечеств. Записки». 1825 г.

настроенъ благопріятно по отношенію къ Россіи и объявилъ однажды Неплюеву, что Порта желаетъ заключить съ Россіей оборонительный и наступательный союзъ. «Этимъ союзомъ, — говорилъ визирь, — будемъ страшны всему свѣту, и хотя мы турки съ русскими разной вѣры, но это не препятствіе, потому что вѣра относится къ будущей жизни, а на этомъ свѣтѣ союзы заключаются не по вѣрѣ, а по государственному интересу».

Турція, увлекаемая все болѣе и болѣе въ столь чуждую ей сферу европейскихъ интересовъ, становится игрищемъ иностранныхъ державъ. Въ 1723 г. англійскій посолъ передалъ Портѣ меморіаль, въ которомъ предостерегалъ ее противъ намѣреній царя и говорилъ: «Порта должна беречься Россіи, бороться съ которою легко, ибо русской государь не въ дружбѣ ни съ однимъ изъ европейскихъ государей, всѣ они ему злодѣи». Дѣйствительно, Порта измѣнила свое отношеніе къ Россіи, стала подстрекать лезгинъ вытѣснить русскій гарнизонъ изъ Дербента, отклонила предложенія Неплюева войти въ соглашеніе по персидскимъ дѣламъ и страшала даже войною, надѣясь угрозами заставить русскаго императора покинуть кавказскія страны. Тѣмъ не менѣе, видя, что угрозы не дѣйствуютъ, и что Неплюевъ объявилъ рѣшительно, что императоръ не допуститъ къ каспійскимъ берегамъ никакой другой державы, и особенно Турціи, Порта начала съ Россіею переговоры по улаженію персидскихъ дѣлъ, при участіи французскаго посла де-Бонака, который явился тоже нашимъ противникомъ, не взирая на соболя и на 2,000 червонныхъ, полученныхъ имъ въ подарокъ отъ Неплюева. Послѣ долгихъ усилій переговоры привели къ договору 12 іюня 1724 г., которымъ опредѣлялись новыя границы владѣній Россіи, Турціи и Персіи въ Закавказьи—Россія пріобрѣтала, между прочимъ, Дербентъ, Баку, области Гилянъ, Мазандеранъ, Астрабадъ; тѣмъ же договоромъ предусматривалась возможность совмѣстныхъ дѣйствій Россіи и Турціи противъ шаха Тохмаспа. Для размѣна ратификацій этого договора отправленъ былъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посланникомъ бригадиръ Александръ Ивановичъ Румянцевъ, на котораго возложено было также произвести затѣмъ разграниченіе, вмѣстѣ съ комиссаромъ Порты, русскихъ и турецкихъ владѣній на Кавказѣ.

Этотъ Румянцевъ, отецъ будущаго фельдмаршала, испыталъ впоследствии большія превратности судьбы, подобно, впрочемъ, многимъ изъ русскихъ вельможъ того времени. Петръ II отбираетъ отъ него имѣнія пожалованныя ему Петромъ Великимъ. Анна дѣлаетъ его сенаторомъ и даритъ 20,000 рублей, но вскорѣ онъ входитъ въ столкновеніе съ Бирономъ и нѣмецкою партію и его приговариваютъ къ смертной казни, но ограничиваются ссылкой, отобравъ предварительно Александровскую ленту и 20,000 рублей. Затѣмъ, Румянцева снова восстанавливаютъ въ прежнемъ чинѣ ге-

нераль-лейтенанта, возвращаютъ Александровскую ленту, назначаютъ астраханскимъ, а потомъ казанскимъ губернаторомъ и, наконецъ, правителемъ Малороссіи.

Однако, уже въ 1725 г., въ противность трактату, турки заняли Лористанъ и на заявленія русскихъ представителей отвѣтили предложеніемъ, что не лучше ли Россіи и Турціи раздѣлить между собою Персію, какъ добрымъ друзьямъ¹⁾. Предложеніе это было отвергнуто и Неплюевъ въ длинномъ разговорѣ съ великимъ визиремъ выяснилъ, что Россія не можетъ допустить къ Каспійскому морю никакой другой державы, не можетъ также допустить и Персію до паденія: «давно уже мы твердимъ Портѣ, что Россія считала и считаетъ эти два пункта главными».

Начатая султаномъ война противъ Эшрефа, авганскаго владѣтеля Испагани, была несчастлива для турецкаго оружія и въ 1729 году французскій посланникъ усиленно внушалъ муфтію и другимъ сановникамъ, что «Портѣ лучше заключить отдѣльный миръ съ Эшрефомъ, какъ можно скорѣе, тогда-де Эшрефъ всѣ свои силы обратитъ противъ Россіи и свяжетъ ей руки, а между тѣмъ Порты могла бы въ союзѣ съ Франціею возвести на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, чѣмъ расторгнется сообщеніе между Австріею и Россію и отнимется у нихъ средство помогать другъ другу. А если обѣ имперіи останутся въ покоѣ, въ связи съ Польшею и Венеціею, то Портѣ современемъ немалый вредъ произойти можетъ». Одновременно съ тѣмъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Морвиль, далъ понять князю Куракину, нашему послу въ Парижѣ, что враждебное Россіи направленіе французской политики въ Константинополѣ обуславливалось тѣсною дружбою установившеюся тогда между петербургскимъ и вѣнскимъ дворами «такъ какъ союзъ между Россіею и цезаремъ будетъ всегда предосудителенъ Франціи».

Осенью 1730 года въ Константинополѣ произошелъ переворотъ, султанъ былъ свергнутъ и его мѣсто занялъ Махмудъ. Вслѣдствіе интригъ французскаго посла, съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ новаго султана, къ русскому двору былъ назначенъ чиновникъ низшаго ранга, чѣмъ къ дворамъ версальскому и вѣнскому. Неплюевъ тотчасъ протестовалъ и добился, что отправляемаго въ Россію чиновника повысили въ рангѣ. По этому случаю Неплюевъ писалъ: «отправленный въ Россію Саидъ-эфенди человекъ знатный и умный: не худо бъ его удовольствовать, а если можно то и другимъ сдѣлать, подкупить хотя бы и большими подарками, а на подкупъ онъ поддается, потому-что человекъ повадный и мало суевѣренъ, говоритъ по-французски, и потому вице-канцлеръ можетъ давать ему деньги непосредственно».

¹⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. XIX, 13.

Конференція нашего резидента съ турецкими министрами о дѣлахъ персидскихъ не приводили ни къ чему—Порта отказывалась дѣйствовать въ этихъ дѣлахъ сообща съ Россією. Съ осени 1731 года у Россіи начинаются съ Портою столкновения изъ-за Кабарды, въ которую вознамѣрился вступить ханъ крымскій. Неплюевъ же не хотѣлъ признавать господство хана надъ этою странюю и объявилъ въ октябрѣ 1732 г., что при первомъ движеніи татаръ, русскія войска вступятъ въ Кабарду для ея защиты: въ то же время Россія требовала отъ Турціи выдачи калмыцкаго хана Дундука-Омбо, отложившагося отъ Россіи и отдавашагося подъ покровительство крымскаго хана.

Россія постоянно имѣла въ виду войну съ Турцією: война послѣдней съ Персіей давала возможность выгоднаго вмѣшательства для уничтоженія тяжкихъ условій договора 1711 г.

Къ недоразумѣніямъ по поводу дѣлъ персидскихъ, кабардинскихъ и калмыцкихъ присоединились еще дѣла польскія. Побуждаемая французскимъ посланникомъ Вильнёвомъ поддержать Станислава Лещинскаго, Порта въ 1733 г. сдѣлала представленія Неплюеву, что Россія забрала нѣкоторыя польскія мѣста на Украинѣ и собираетъ войска на польскихъ границахъ, желая воспрепятствовать свободному избранію короля, а между тѣмъ по договору Порта должна охранять цѣлость Польши; препятствуя же проходу крымцевъ черезъ Кабарду, Россія мѣшается въ дѣла страны ей вовсе непринадлежащей, дѣйствуя въ противность одной изъ грамотъ Петра Великаго. Въ заключеніе Порта объявляла, что «не уступить Кабарды до чего бъ ни дошло, хотя Кабарды и небольшой важности, но честь государственная запрещаетъ уступить свою землю». Неплюевъ старался опровергнуть всѣ доводы Порты и отвѣчалъ: «если Порта желаетъ ссоры, то можно ее начать и безъ Кабарды; если же хочетъ дружбы, то не должна по своему толковать грамоты Петра Великаго; что же касается государственной чести, то она одинакова какъ у русскаго, такъ и у оттоманскаго государства и моя императрица не можетъ отступить отъ своихъ правъ, для защиты которыхъ способы найдутся».

Не смотря на протесты Неплюева, татары хотя и съ урономъ, но пробились черезъ русскія владѣнія въ Дагестанѣ. Дѣла вообще осложнялись: Порта жаловалась, затѣмъ Россія ввела въ Польшу 60,000 войска и сдѣлала королемъ курфюрста саксонскаго, въ то же время Франція старалась убѣдить Порту, что надобно помочь Швеціи и возвратить отъ Россіи всѣ завоеванія Петра Великаго. Вильнёвъ, именемъ государя своего, требовалъ, чтобы Порта объявила войну Россіи, въ противномъ-де случаѣ «цесарь, Россія и креатура ихъ польскій король Августъ выгонятъ турокъ изъ всѣхъ европейскихъ провинцій и тогда французскій король за Порту не заступится и о цѣлости ея заботиться не будетъ».

Въ виду неудачъ, которыя турки терпѣли въ Персіи, Неплюевъ въ 1734 году не совѣтовалъ своему двору улаживать дѣла съ Портою: «Лучше туркамъ не мѣшать въ азіатскій походъ вязнуть, тогда всячески будетъ удобно съ ними поступить, какъ вашему величеству будетъ угодно. Здѣшнее государство въ сильномъ разслабленіи и совсѣмъ увязло въ Азію такъ, что давно въ такомъ дурномъ состояніи не было. Долго будетъ дожидаться такого удобнаго случая привести ихъ въ резонъ и смирить, а ложныя ихъ мнѣнія о русской имперіи уничтожить однажды навсегда покой себѣ доставить и пограничныя свои народы отъ ига татарскаго освободить».

Порта готовилась къ войнѣ: изъ этихъ приготовленій самымъ опаснымъ въ глазахъ Неплюева и преемника его Вешнякова, смѣниваго въ 1735 г. отозваннаго по болѣзни Неплюева—бывшаго затѣмъ намѣстникомъ въ Кіевѣ и въ Оренбургѣ, а при Екатеринѣ II главнокомандующимъ въ Петербургѣ и умершаго въ 1773 г. въ глубокой старости,—было образованіе регулярнаго войска совершавшееся съ помощью ренегата Бонневала: «Нельзя безъ ужаса,—писалъ Вешняковъ,—смотрѣть на слѣдствія этого дѣла для всего христіанства и особенно для сосѣднихъ Турціи державъ». Къ числу противниковъ Россіи присоединился и англійскій посоль лордъ Кинуль; о немъ Вешняковъ пишетъ: «не знаемъ уже какъ съ симъ министромъ быть, ибо такъ явно и безстыдно злодѣйствуетъ».

Подъ вліяніемъ донесеній Неплюева, Россія, раздраженная нарушеніемъ татарами ея территоріи, двинула войска въ Кубанскую область, въ то же время 80,000 армія появилась у Перекопи. По этому поводу Вешняковъ сообщалъ: «Не могу изобразить, какъ велика здѣсь между министерствомъ констернація, не знаютъ за что вѣяться и что дѣлать и потому можно ожидать, что если не будетъ бунта, то поступать умѣренно и вступать въ переговоры, на что буду склонять».

Остерманъ въ письмѣ къ великому визирю объявлялъ, что императрица поступками турокъ и татаръ вынуждена употребить силу, но употребляетъ ее съ сожалѣніемъ и только для того, чтобы установить миръ на прочныхъ основаніяхъ; если Порта также желаетъ мира, то должна выслать на границы полномочныхъ министровъ для переговоровъ.

Началась война въ августѣ 1735 г., но военныя дѣйствія ограничились неудачнымъ походомъ Леонтьева въ Крымъ. Лишь въ мартѣ 1736 г. Минихъ началъ осаду Азова, а затѣмъ самъ съ 54,000 армію направился къ Перекопи. Быстро были заняты—перекопская линія, самая крѣпость Перекопъ, Козловъ, Бахчисарай. Опасеніе быть отрѣзаннымъ значительными турецкими силами направлявшимися къ Очакову, недостатокъ провіанта, болѣзни между солдатами, убыль въ лошадяхъ—принудили Миниха

отступить къ Днѣпру. Тѣмъ временемъ Азовъ сдался на капи-туляцію фельдмаршалу Ласси.

Выходъ арміи изъ Крыма съ огромными потерями, ссоры между генералами, медленность союзной Австріи въ исполненіи своихъ общаній напастъ одновременно съ Россією на турокъ, заставляли императрицу желать заключенія мира на условіи уничтоженія Прутскаго трактата.

Въ началѣ 1736 г. официального разрыва съ Турцію еще не было и Порта дѣлала видъ, что русскіе воюютъ лишь съ крымцами, не смотря на настоянія французскаго посла требовавшего сильнаго наступательнаго дѣйствія противъ Россіи. Въ поданномъ Портѣ мемуарѣ посоль доказывалъ, какъ возрастающая сила Россіи вредна европейскому равновѣсію; самимъ туркамъ всего опаснѣе Россія, которая хочетъ овладѣть Азовомъ и Крымомъ взаимнѣ областей уступленныхъ Персіи.

На западѣ цѣлью Россіи въ готовившейся войнѣ съ Турціей считалось пріобрѣтеніе Азова и права судоходства чрезъ Черное море, отсюда выводили логическое заключеніе, что слѣдовательно Россія стремится вступить въ конкуренцію съ другими державами, ведущими торговлю съ Левантомъ.

Таковы были отношенія Франціи и морскихъ державъ къ Россіи при началѣ войны. Онѣ не хотѣли и не могли оставаться безучастными зрительницами ея. Но такъ какъ вмѣшаться въ войну открыто было неудобно, то выбранъ былъ путь болѣе выгодный, путь участія посредническаго. При первыхъ же признакахъ приближающагося разрыва посланники Франціи, Англіи, Голландіи и Австріи при Портѣ стали хлопотать о порученіи имъ посредничества для примиренія сторонъ. Цѣль ихъ была ясна—въ качествѣ посредницъ, державы эти могли не только вліять на ходъ переговоровъ, но и на самую постановку сторонами мирныхъ условій.

Вешняковъ все еще оставался въ Константинополѣ и доносилъ о полномъ разстройствѣ Турціи: «страхъ предъ турками держится на одномъ преданіи, ибо теперь турки совершенно другіе, чѣмъ были прежде. Всѣ, какъ будто предчувствуютъ конецъ своей незаконной власти и да сподобитъ Всевышній ваше величество ее искоренить. Попеченія объ общемъ благѣ въ Турціи нѣтъ, заботятся только о частныхъ выходахъ; достойные и искусные люди изгублены и погибаютъ, остались только одни недостойные, вслѣдствіе чего добрый порядокъ пренебреженъ какъ въ политическомъ, такъ въ военномъ и экономическомъ правленіи и, оставивъ прежнія свои основныя правила, новыхъ не пріобрѣли и потому ослабѣли. На счетъ христіанскихъ подданныхъ турки опасаются, что всѣ возстанутъ, какъ только русскія войска приблизятся къ границамъ. Здѣшніе константинопольскіе греки большею частью без-

дѣльники, ни вѣры, ни закона, ни чести не имѣющіе, ихъ главный интересъ—деньги и ненавидятъ насъ больше самихъ турокъ, но греки областные и еще болѣе болгары, валахи, молдоване и другіе такъ сильно заботятся объ избавленіи своемъ отъ турецкаго тиранства и такъ сильно преданы Россіи, что при первомъ случаѣ жизни не пожалѣютъ для в. и. в., какъ уповаемой избавительницы. Все это турки знаютъ».

Турки, дѣйствительно, трусили и Рейсъ-эфенди просилъ Вешнякова приложить всѣ усилія, чтобы покончить дружески всѣ недоразумѣнія. Но Вешняковъ писалъ императрицѣ совсѣмъ въ иномъ смыслѣ: «теперь самое полезное время не только къ сломленію звѣрской гордости, но и къ окончательному ниспроверженію всего этого незаконнаго сонмища. Хотя я малая и недостойная жертва, но для славы вашего величества и спокойствія отечества готовъ истину представленнаго мною запечатлѣть моею кровію, лишь бы Всевышній сподобилъ начать дѣло».

Когда сдѣлалось извѣстнымъ объ осадѣ Азова и движеніи русскихъ войскъ къ Очакову, Порта главную свою надежду полагала на дипломатическое заступничество Франціи, Англіи, Голландіи и Швеціи. Страхъ предъ Россіею выразился въ султанскомъ указѣ, которымъ, подѣ смертною казнью, предписывалось никого въ брань не называть «русскимъ», ниже обижать самихъ русскихъ. И съ христіанскими подданными своими турки стали обходиться гораздо ласковѣе.

Въ концѣ 1736 г. русскій резидентъ выѣхалъ изъ Константинополя.

Въ апрѣлѣ 1737 г. русское войско, въ числѣ отъ 60 до 70 тыс. человекъ, двинулось на Очаковъ, который былъ взятъ на третій день осады, послѣ отчаяннаго штурма, причемъ съ турецкой стороны погибло болѣе 10 тыс. человекъ. Также удачны были дѣйствія Ласси въ Крыму; подѣ Карасубазаромъ онъ на голову разбилъ татарское войско, бывшее подѣ предводительствомъ самого хана.

Тѣмъ временемъ австрійцы взяли Нишъ, но въ Босніи потерпѣли неудачу.

Подѣ вліяніемъ русскихъ побѣдъ турки отправили въ Немировъ своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ: съ русской стороны туда были посланы баронъ Шафировъ, Волынскій и бывшій резидентъ въ Константинополь Неплюевъ.

5-го августа начались конференціи. Русскіе уполномоченные объявили, что такъ какъ въ прежнихъ ссорахъ и въ настоящей войнѣ виновны татарскіе народы, то пока эти народы будутъ существовать между обѣими имперіями, до тѣхъ поръ миръ между ними невозможенъ, а потому земли татарскія: Кубань, Крымъ и прочія до рѣки Дуная лежащія должны остаться со всѣми жителями и крѣпостями во владѣніи Россійской имперіи, «ея импера-

торское величество желаетъ этого не для прибыли какой-нибудь, но для вѣчнаго покоя, ибо и Порта отъ этихъ дикихъ народовъ никакой выгоды не получала. Съ тою же цѣлю, т. е. для сохраненія мира, императрица требуетъ, чтобы Валашское и Молдавское княжества получили независимость подъ особыми владѣльцами; только по единовѣрью будутъ они пользоваться покровительствомъ Россіи». Что же касается до достиженія свободнаго судоходства въ Черномъ морѣ, то, какъ видно изъ инструкцій посланъ въ Немировѣ, русское правительство не считало нужнымъ особенно о немъ заботиться.

Турки отвѣчали, что такія требованія несоразмѣрны съ успѣхами русскихъ войскъ, и что Турція вовсе не находится въ такомъ состояніи, чтобы принимать столь тяжкія условія, склоняясь лишь, повидимому, къ предоставленію русскимъ купцамъ разрѣшенія судоходства въ Черномъ морѣ. Но разрѣшеніе такого судоходства Россіи не согласовалось съ интересами другихъ державъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, представители западныхъ державъ интриговали предъ великимъ визиремъ и добились того, что турецкіе уполномоченные въ Немировѣ, ссылавшіеся до того времени въ своемъ отказѣ въ территоріальныхъ уступкахъ лишь на чрезмерность ихъ, предъ разрывомъ конгресса основывали свой отказъ уже на томъ, что-де Россія «ищетъ всѣми вратами ихъ провинціи овладѣть» и открыть послѣднія казакскимъ набѣгамъ¹⁾. Въ то же время и австрійскіе уполномоченные на конгрессѣ заявили, послѣ конференціи, что напрасно русскіе заговорили о Валахіи, такъ какъ Австрія имѣетъ въ виду требовать ее себѣ, и что европейскіе государи не дозволятъ Россіи овладѣть Крымомъ.

Вслѣдствіе этихъ заявленій, а также извѣстія, что Ласси вышелъ изъ Крыма, русскіе уполномоченные вынуждены были умѣрнить свои требованія, довольствуясь уступкою Россіи земель отъ Азова до Днѣпра, Кинбурна, Кубани и Тамани, и съ тѣмъ чтобы перекопская линія была раззорена.

При личныхъ объясненіяхъ, турки заявили Волынскому, что: «мы бы сыскали средство удовольствовать Россію, но римскій царь намъ несосенъ, присталъ онъ со стороны безъ причины, для одного своего лакомства и хочетъ отъ насъ корытоваться».

Русскіе, однако, сообщили союзникамъ объ этомъ разговорѣ, чтобы не возбудить ихъ подозрѣній.

Австрійцы потребовали себѣ сначала вдвое болѣе земель противъ Россіи, но потомъ спустили свои условія до требованія Ниша съ нѣкоторою частью Сербіи. Русскіе уполномоченные съ своей стороны объявили, что императрица довольствуется Азовомъ, Очаковымъ и Кинбурномъ съ пристойными границами.

¹⁾ «Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ», Уляницкаго. 54.

Не смотря на то, турецкіе уполномоченные объявили, что на подобныя основаніяхъ переговариваться они не имѣютъ права и выѣхали изъ Немирова.

Вѣнскій дворъ сильно встревожился успѣхами турокъ и неудачею конгресса и обратился къ Франціи за дипломатическою помощью. Изъ Россіи спѣшили поддержать духъ испуганнаго союзника и Анна Іоанновна увѣщевала цесаря выказать настоящую твердость и изъявляла готовность во всемъ условиться съ цесаремъ относительно будущей кампаніи.

Кампанія 1738 г. не удалась и Минихъ, дойдя до Днѣстра, вынужденъ былъ вернуться въ Кіевъ. Моровая язва принудила оставить Очаковъ и Кинбурнъ, гарнизоны при выходѣ разорили обѣ крѣпости. Ласси въ томъ же году ходилъ снова въ Крымъ, взялъ Перекопъ, но вслѣдствіе недостатка въ водѣ и конскихъ кормахъ отступилъ къ Днѣпру. По мнѣнію иностранцевъ, причинами неудачи былъ огромный и лишній обозъ и нерадѣніе офицеровъ.

Плохой успѣхъ кампаніи 1738 года заставлялъ Петербургъ усиленно желать мира. Россія сочла выгоднымъ для себя союзъ австрійскій именно дабы дѣйствовать соединенными силами противъ турокъ: обѣ державы дѣйствительно начали войну съ Портою, но Австрія вела ее такъ, что принудила Россію искать еще въ 1737 г. посредничества Франціи для прекращенія войны. Въ маѣ 1738 г. Остерманъ писалъ французскому посланнику въ Константинополь, Вильневу, что императрица, согласно съ цесаремъ, даетъ ему полную мочь для заключенія прелиминарнаго трактата съ Портою, требуя для себя одного Азова и разворенія укрѣпленій Очакова и Кинбурна.

Турки затягивали переговоры, а потому Анна послала Миниху рескриптъ, требуя «скорѣйшаго марша и всевозможнаго поспѣшенія произведеніемъ непріятелю чувственныхъ какихъ дѣйствъ». Въ начавшуюся въ концѣ мая кампанію побѣда всюду слѣдовала за русскими знаменами. Перейдя Бугъ и Днѣстръ и одержавъ нѣсколько побѣдъ, русскіе направились къ Хотину. Не желая допустить ихъ къ этой важной крѣпости, сераскиръ Вели-паша расположился съ 90,000 войскомъ на очень крѣпкой позиціи при деревнѣ Ставучанахъ, въ полторѣ миляхъ отъ Хотина. Русскіе смѣло двинулись на приступъ: турки не выдержали и оставили свой укрѣпленный лагерь побѣдителямъ. Извѣщая о побѣдѣ, Минихъ въ концѣ донесенія прибавляетъ: «означенная викторія даетъ намъ надежду къ великому сукцессу, понеже армія совсѣмъ въ добромъ состояніи и имѣетъ чрезвычайный куражъ». Слѣдствіемъ этой побѣды была сдача Хотина. Пораженные страхомъ турки бѣжали за Дунай, русскій авангардъ занялъ Яссы и молдавская депутація, явившись въ лагерь къ Миниху, признала русскую императрицу государынею Молдавіи. Сообщая о томъ императрицѣ, главнокомандующій прибавляетъ: «понеже здѣшняя молдавская земля весьма презрядная

и не хуже Лифляндіи и люди сей земли, видя свое освобожденіе отъ варварскихъ рукъ, приняли Высочайшую протекцію съ слезною радостью, поэтому весьма потребно эту землю удержать въ рукахъ вашего величества». Но въ это самое время фельдмаршалъ получилъ извѣстіе о заключеніи австрійцами отдѣльнаго мира съ турками «мира стыднаго и весьма предосудительнаго», по выраженію Миниха.

Россія, которая постоянно отклоняла отдѣльный миръ съ Портою, дабы интересы ея союзника не потерпѣли чрезъ то ущерба, могла теперь убѣдиться въ искренности Австріи, нисколько не постыдившейся войти въ отдѣльное соглашеніе съ Портою, не принимая въ расчетъ союзной съ нею Россіи. Послѣ этого русское правительство не хотѣло одно продолжать войну и для окончательныхъ переговоровъ въ Константинополь былъ посланъ Вешняковъ, которому Вильнёвъ прямо объявилъ, что если онъ въ лучшей мѣрѣ не могъ при заключеніи мира соблюсти интересы Россіи, то главною къ тому причиною были поступки ея союзницы.

Миръ при посредствѣ Вильнёва былъ заключенъ въ 1739 году въ Бѣлградѣ на слѣдующихъ условіяхъ: Азовъ остался за Россіею, но съ тѣмъ, что укрѣпленія его должны быть скрыты, а окрестности оставаться пустынею и служить раздѣленіемъ между обѣими имперіями. Россія получала право построить себѣ крѣпость на донскомъ островѣ Черкасскѣ, а Порты—на Кубани. Таганрогъ не могъ быть возобновленъ. Россія не могла имѣть своихъ кораблей на Черномъ морѣ, могла лишь перевозить по немъ свои товары на турецкихъ судахъ. Большая и Малая Кабарды объявлялись свободными.

Таковы были результаты союза съ Австріей и «миролюбительныхъ сантиментовъ», о которыхъ такъ неуклонно распространяются наши тогдашніе дипломатическіе акты.

Вешняковъ добивался, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ договорѣ, вмѣсто «московская» имперія, было поставлено «россійская» и чтобы султанъ согласился давать русской государынѣ императорскій титулъ. Порты отклонила это, говоря, что императорскій титулъ русской государынѣ даютъ государства мелкія—Швеція, Данія, Венеція, Голландія, Гамбургъ, папа, а главные государи—цесарь, короли французскій, испанскій, англійскій и польскій не даютъ; еслибы цесарь или Франція признали титулъ, то и Порты признала бы его немедленно. Тщетно возражалъ Вешняковъ, что султанъ самъ по себѣ великій государь, образца ни отъ кого не требуетъ, ни отъ какой державы не зависитъ,—честь его требуетъ—де показать другимъ образецъ собою—турки предоставили вопросъ о титулѣ будущему времени. Наградю Вильнёву былъ андреевскій орденъ, 15,000 ефимковъ и брилліантовый перстень его женѣ.

Такъ кончилась турецкая война, стоившая Россіи ста тысячъ человѣкъ и огромныхъ денежныхъ затратъ.

Для выполненія условія трактата объ отпращеніи съ обѣихъ сторонъ торжественныхъ великихъ посольствъ посланъ былъ въ 1740 г. въ Константинополь бывалый уже тамъ человекъ—генераль Румянцевъ.

Неудача 1736—1739 гг. не могла остановить Россію въ ея стремленіи къ Черному морю и, по почину президента коммерцъ-коллегіи, князя Б. Г. Юсупова, снова выступаетъ на очередь въ 1745 г. вопросъ о торговомъ судоходствѣ въ Черномъ морѣ и объ открытіи торговыхъ сношеній чрезъ Черное море съ Турціею и странами лежащими у Средиземнаго моря, но тогдашнее правительство пока ограничивается собираніемъ матеріаловъ для всесторонняго выясненія этого вопроса.

Въ виду готовившейся войны между Россіею и Швеціей, Франція и Швеція употребляли всѣ усилія, чтобы заставить Турцію отвлечь русскія силы. Но туркамъ было не до Европы: они трепетали за Азію, ожидая нашествія шаха Надира. Этотъ страхъ турецкаго правительства предъ Персіею далъ возможность Румянцеву сохранить твердость въ Константинополѣ, настаивать, что Азовъ не будетъ срытъ прежде, чѣмъ опредѣлено будетъ мѣсто для новыхъ крѣпостей и будутъ освобождены всѣ плѣнные, а также требовать отъ турокъ признанія императорскаго титула русскаго государя. 27-го августа Румянцевъ подписалъ конвенцію, по которой турки согласились исполнить это послѣднее требованіе, а съ русской стороны положено немедленное разореніе Азова, послѣ чего Румянцевъ выѣхалъ изъ Константинополя, гдѣ представителемъ нашимъ остался Вешняковъ.

Въ 1745 г., давая отчетъ о стараніяхъ Франціи добиться посредничества султана для прекращенія европейской войны начатой Фридрихомъ II противъ Маріи-Терезіи, Вешняковъ сообщалъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, благодаря персидской войнѣ и разстройству внутреннихъ дѣлъ Турціи. Вѣрный своей прежней политикѣ онъ писалъ: «отъ вашего императорскаго величества зависитъ безъ крайнихъ усилій сіе злоехидное сонмище разорить и крестъ возстановить. Всѣ бѣдные православные христіане ждуть избавленія отъ вашего императорскаго величества, стоитъ только нынѣшнею осенью явиться врасплохъ російской арміи къ Дунаю съ запаснымъ оружіемъ, то она въ короткое время иудеетъ: Молдавія, Валахія, Болгарія, Сербія, Славонія, Далмація, Черногорцы, Албанія, вся Греція, острова и самъ Константинополь въ одно время возьмутъ крестъ и побѣгутъ на помощь вашему императорскому величеству. Европейскія державы, будучи въ распряхъ и всѣ истощены, помѣшать Россіи не въ состояніи». Онъ горячо возставалъ противъ русскихъ пограничныхъ властей, которыя требуютъ паспортовъ отъ молдаванъ бѣгущихъ отъ турецкаго притѣсненія въ Россію и тѣмъ закрываютъ къ намъ входъ нашимъ

единовѣрцамъ, могущимъ намъ впоследствии принести великую пользу.

Вешняковъ писалъ также длинное письмо канцлеру, указывая на сильную привязанность турецкихъ христіанъ, особенно славянъ, къ Россіи. «Въ послѣднюю войну, не будучи въ состояніи скрывать своихъ чувствъ къ Россіи, они подвергались страшнымъ бѣдствіямъ и умирали съ именемъ Россіи на устахъ. Такая любовь ихъ къ намъ требуетъ взаимности» и потому Вешняковъ настаивалъ на необходимости завести поселенія изъ турецкихъ христіанъ. Въ заключеніе Вешняковъ указывалъ на выгоды для Россіи и Европы отъ разрушенія турецкой имперіи и основанія на ея мѣстѣ сильной христіанской державы: «мы приобрѣли бы себѣ на многіе вѣка покой и несказанную пользу установленіемъ такой державы, которая безъ погибели своей не могла бы отстать отъ Россіи по единству интересовъ и отдаленности границъ. Тогда бы много сократилась гордость австрійскаго дома: Австрія была бы сохранена для обузданія Франціи, но та же самая Франція была бы удержана отъ прежнихъ своихъ великихъ замашекъ. Такимъ образомъ, европейское равновѣсіе зависѣло бы отъ Россіи да отъ этого новаго государства на Балканскомъ полуостровѣ».

Это письмо было завѣщаніемъ Вешнякова: въ іюлѣ онъ умеръ. Его преемникомъ въ Константинополѣ былъ старшій сынъ бывшаго резидента Адрианъ Ивановичъ Неплюевъ, правая рука графа Воронцова и руководитель въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Турецкіе министры навѣдались, прежде всего, какіе подарки привезъ имъ новый резидентъ. Неплюевъ отвѣчалъ, что резиденты подарковъ не привозятъ и когда переводчикъ Порты замѣтилъ, что по крайней мѣрѣ Реису-эфенди нужно что-нибудь дать въ знакъ дружбы, то Неплюевъ сказалъ, что когда этотъ министръ дѣйствительно окажетъ Россіи услуги, то получить награжденіе.

Неплюевъ дѣйствовалъ въ Константинополѣ очень искусно, борясь съ интригами Франціи и Швеціи, которыя хотѣли увлечь султана къ непосредственному участию въ сѣверныхъ дѣлахъ. Онъ очень твердо заявилъ великому визирю въ 1750 г., что «императрица не желаетъ ни пяди шведской земли, но если шведы не отстанутъ отъ своего намѣренія перемѣнить правительственную форму, то она не сдержится никакими представленіями и употребитъ всѣ дарованные ей Богомъ способы для воспрепятствованія этому злу. Россійская держава никогда не позволитъ предписывать себѣ законовъ ни шведамъ, ни французамъ, ни какому-либо другому народу, устанавливая всѣ свои поступки на вѣсахъ правосудія съ богоугоднымъ намѣреніемъ не допускать, чтобы отъ соудей и въ ея государствахъ огонь загорѣлся».

8-го ноября 1750 г. Неплюевъ внезапно скончался на 38-мъ году отъ рожденія. Подробности о болѣзни его находятся въ письмѣ

служившаго при миссіи іеромонаха Іосифа къ псковскому архіепископу Симеону Тодорскому. Сначала у него отнялась рука, а затѣмъ сдѣлалось разлитіе желчи: «весь былъ жолтъ и тая желчь происходила ему отъ сердца лютои: сколько лекаря увѣщевали его о томъ, не слушалъ и не могъ отстать, навѣкъ всегда въ лютои и ярости». 6-го ноября въ то время, какъ онъ былъ у нѣмецкаго резидента, съ нимъ случилась апоплексія; перенесенный въ посольство Неплюевъ отказался предъ смертію отъ исповѣди, что вызываетъ замѣчаніе іеромонаха въ томъ же письмѣ: «и по примѣтамъ прежнихъ лѣтъ житія его такъ въ Россіи, какъ и въ Стамбулѣ не былъ онъ совершенъ христіанинъ, но или лютеръ или совсѣмъ атеиста, понеже имѣлъ великое обхожденіе съ аглицкимъ посломъ, а той явный атеиста». Въ виду соблазна произведеннаго въ средѣ православнаго населенія Царьграда поведеніемъ Неплюева о. Іосифъ проситъ архіепископа внушить императрицѣ «дабы добраго христіанина избрали и прислали въ Царьградъ»¹⁾.

По смерти Неплюева, въ Константинополь былъ отправленъ бывшій воспитанникъ сухопутнаго шляхетскаго корпуса, секундъ-маіоръ Алексѣй Михайловичъ Обресковъ. Въ одномъ изъ указовъ императора Павла значится Обресковъ, въ примѣчаніи же сказано Обрѣзковъ. По видимому, первое правильнѣе и въ позднѣйшее время члены этой фамиліи всегда писались Обресковыми²⁾.

Въ докладѣ иностранной коллегіи объ Обресковѣ говорилось: «сей маіоръ Обресковъ для того способнымъ къ тому признается, что онъ уже былъ тамо при здѣшнихъ резидентахъ Вешняковѣ и Неплюевѣ около десяти лѣтъ и въ тамошнихъ поведеніяхъ довольное знаніе имѣеть».

Въ іюлѣ 1751 года, Обресковъ, уже переименованный въ на дворные совѣтники, прибылъ въ Константинополь и былъ принятъ съ чрезвычайными почестями, не смотря на враждебныя внушенія французскаго посла Дезаллера.

Обрескову, между прочимъ, было предписано стараться подѣ видомъ возстановленія и приведенія въ лучшій порядокъ взаимной коммерціи, склонить Порту къ заключенію трактата и къ внесенію въ этотъ послѣдній такой статьи, которою позволено бы было русскимъ подданнымъ производить торговлю Чернымъ моремъ въ турецкія владѣнія на своихъ собственныхъ торговыхъ, а не турецкихъ судахъ. На это Обресковъ, подобно своимъ предшественникамъ, отвѣчалъ, что добиться отъ Порты признанія свободы судоходства въ Черномъ морѣ—дѣло чрезвычайно трудное и «самокрайной нѣжности», требующее особенной осторожности, чтобы не возбудить подозрѣній Порты, крайне предубѣжденной противъ

¹⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. XXIII, 114.

²⁾ «Русская Старина», V, 1872 г., стр. 480.

иностраннаго судоходства въ Черномъ морѣ. Кромѣ того, Обресковъ находилъ, что при отличающемся прѣѣзжихъ въ Константинополь русскихъ купцовъ «невѣжествѣ, неразумнѣи и нераспорядительности» трудно даже ожидать особенныхъ выгодъ отъ свободы торговаго мореплаванія въ Черномъ морѣ. Слишкомъ сто лѣтъ прошло съ времени этого суроваго отзыва русскаго резидента о своихъ соотечественникахъ-купцахъ, а можно ли сказать, что эти слова не примѣнимы къ столь мало предприимчивымъ купцамъ нашего времени?

На просьбы черногорскаго митрополита заступиться за него въ 1752 году, Обресковъ устно увѣрилъ митрополичьяго посланца, что имѣетъ повелѣніе императрицы стараться о пользѣ нашихъ единовѣрцевъ, только имъ надобно нѣсколько потерпѣть.

Движеніе православнаго населенія изъ австрійскихъ областей въ Россію не могло не отозваться и въ областяхъ турецкихъ.

Сообщая въ концѣ 1752 года Обрескову, что къ генераль-маіору Хорвату являлись нѣкоторые болгары, греки и волохи, чтобы условиться о переселеніи въ Россію до тысячи христіанскихъ семействъ изъ этихъ народностей, русское правительство поручало Обрескову освѣдомиться какимъ способомъ исходатайствовать у Порты ихъ увольненіе.

Обресковъ отвѣчалъ, что не можетъ быть никакого успѣха, еслибы съ русской стороны было сдѣлано Портѣ предложеніе отпустить христіанъ добровольно «и лучшаго способа не нахожу какъ чтобы желающіе выселиться выходили въ небольшомъ количествѣ безъ огласки, непримѣтно и при поселеніи перемѣшивать ихъ съ другими народами». Для наполненія же Новой Сербіи народомъ, Обресковъ предлагалъ вызвать бѣжавшихъ изъ Россіи раскольниковъ.

Когда въ 1754 году до Порты дошла вѣсть о построеніи въ Новой Сербіи крѣпости св. Елисаветы, она сильно встревожилась, видя въ этомъ нарушеніе договора. Обресковъ доказывалъ право Россіи строить эту крѣпость, о строеніи которой онъ сообщилъ Портѣ «только по сосѣдственной дружбѣ, а не въ смыслѣ испрашиванія позволенія на внутреннія распоряженія государства, ибо русскій дворъ какъ самъ не любитъ мѣшаться въ чужія дѣла, такъ не терпитъ и въ своихъ дѣлахъ указчиковъ, слѣдовательно, дѣло не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ изъясненіяхъ и отвѣтахъ со стороны Порты».

Рейсъ-эфенди обратился тѣмъ не менѣе за разъясненіями къ министрамъ союзныхъ съ Россією дворовъ—англійскому и австрійскому: тѣ хотя и признавали право Россіи, но совѣтовали Обрескову отложить постройку крѣпости, чтобы не раздражать турокъ, которыхъ въ то время французскій посоль подстрекалъ принять участіе въ польскихъ дѣлахъ и заключить союзъ съ Пруссією и Швецією для

сдержанія Россіи. Переводчику Порты, который страдалъ войною, Обресковъ замѣтилъ, что «правило русскаго двора — другихъ не страшать и самому никакихъ угрозъ не бояться».

Англійскій и австрійскій дворы, разсчитывая на помощь Россіи въ своихъ дѣлахъ, съ ужасомъ предусматривали возможность отвлеченія русскихъ силъ на югъ, вслѣдствіе войны турецкой, и употребили въ Петербургѣ всѣ усилія, чтобы склонить русское правительство къ уступчивости. Настоянія ихъ привели къ тому, что императрица обѣщала въ 1755 году пріостановить крѣпостныя работы, чѣмъ Порта вполне удовлетворилась. Такимъ образомъ, только благодаря тому, что въ это дѣло вмѣшались посредники, Россіи пришлось поступиться въ своемъ правѣ.

Въ 1756 году вице-канцлеръ, графъ Воронцовъ получилъ письмо отъ черногорскаго митрополита Василія Петровича, въ которомъ онъ писалъ: «мы ни откуда не чаемъ помощи, кромѣ Бога и сильнаго россійскаго скипетра. Плачетъ бѣдная Сербія, Болгарія, Македонія, рыдаетъ Албанія въ страхъ, чтобы не пала Черная Гора, уже Далмація пала и благочестія лишается, будучи напоена уніатствомъ. Герцеговина стонетъ подъ ногами турецкими. Если Черная Гора будетъ освобождена, то всѣ къ намъ пристанутъ, если же турки Черною Горою завладѣютъ, то христіанство во всѣхъ упомянутыхъ земляхъ конечно исчезнетъ». Вслѣдствіе этого письма Обрескову былъ отправленъ секретнѣйшій рескриптъ: «Что касается защиты черногорцевъ при Портѣ, то хотя въ нынѣшнее время, когда мы заняты на другой сторонѣ, формально съ надлежащею твердостью приступить къ ней нельзя, однако, чтобы не привести черногорцевъ въ отчаяніе, надобно вамъ, хотя стороною, сдѣлать все возможное въ ихъ пользу; постарайтесь исходатайствовать облегченіе этому единовѣрному и усердному къ намъ народу и давайте знать имъ тайно обо всемъ, что будетъ дѣлаться относительно ихъ при Портѣ, чтобы они не были застигнуты врасплохъ».

Переводчикъ Порты, съ которымъ Обресковъ вошелъ въ переговоры какъ помочь черногорцамъ, не совѣтовалъ обращаться къ Портѣ съ заступничествомъ, такъ какъ это заступничество ускоритъ гибель не только черногорцевъ, но и всѣхъ православныхъ, находящихся подъ игомъ турецкимъ: «Ничто не можетъ быть для Порты чувствительнѣе и для бѣдныхъ православныхъ опаснѣе, какъ если русская императрица явится покровительницею послѣднихъ». Соображенія эти подѣйствовали тѣмъ болѣе, что по случаю шедшей тогда семилѣтней войны, Россія считала нужнымъ соблюдать большую осторожность по отношенію къ славянскимъ подданнымъ султана, чтобы не возбудить противъ себя этого послѣдняго, а потому Обресковъ, отказавшись прямо дѣйствовать на Порту, работалъ въ пользу Черногоріи подъ рукою. Тѣмъ не менѣе, онъ

продолжалъ держать себя твердо по отношенію къ туркамъ. Движеніе русскихъ войскъ чрезъ Польшу повело къ объясненіямъ съ Портою, которая предъявила требованіе, чтобы этого не было. Обресковъ отвѣчалъ рѣшительно, что императрица непременно подасть помощь своимъ союзникамъ и что движеніе русскаго войска чрезъ Польшу происходитъ не для завоеванія ея или отторженія нѣкоторыхъ ея областей, но единственно для поданія помощи союзникамъ. Рѣшительность тона повліяла на Порту, которая удовлетворилась этимъ отвѣтомъ.

Въ 1758 году султанъ, подъ вліяніемъ преимущественно англійскаго посла, Портера, проявилъ внезапную воинственность. Но если онъ искалъ предлога къ войнѣ, то Россія не должна была подавать ему такого предлога и потому на представленное тогда черногорцами ходатайство принять ихъ въ русское подданство было отвѣчено митрополиту Василию Петровичу и всѣмъ черногорцамъ что: «усердіе ихъ народа къ нашей имперіи и желаніе вступить къ намъ въ подданство заслуживаетъ оному всегдашнее наше благоволеніе и милость, но что какъ теперь всякая формалита могла бъ быть огласкою и весьма бѣдственною по великой близости окружающихъ ихъ непріятелей и по толикому нашей имперіи отдаленію, то сіе дѣло оставляется до будущихъ лучшихъ временъ, а теперь они удовольствоваться имѣють увѣреніемъ непремѣннаго нашего благоволенія», въ удостовѣреніе чего былъ отправленъ въ Черногорію особый листъ и денежные подарки разнымъ выдающимся лицамъ. Отказавъ митрополиту въ просьбѣ назначить въ Черногорію постоянного дипломатическаго агента, императрица согласилась на другую его просьбу—отпускать ежегодно черногорцамъ по 15,000 рублей и, кромѣ того, воспитывать нѣсколькихъ черногорцевъ въ нашемъ кадетскомъ корпусѣ.

Отчаянное положеніе Фридриха II побудило его искать сближенія съ Портою, и въ 1759 году явился въ Константинополь его агентъ фонъ-Рескинъ съ цѣлью устроить союзъ между Портою и прусскимъ королемъ, въ чемъ помогалъ ему англійскій посолъ, получившій отъ своего двора разрѣшеніе истратить на это дѣло хотя бы до ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Визирь соглашался на простой союзъ или трактатъ дружбы, не сдаваясь ни за что на настоянія прусскаго короля, требовавшаго наступательнаго или, по крайней мѣрѣ, оборонительнаго союза.

Обресковъ, съ своей стороны, употребилъ всѣ усилія, чтобы переговоры прусскихъ эмиссаровъ о союзѣ не удались и дѣйствительно они привели лишь къ заключенію въ 1761 году простаго дружественнаго и торговаго договора между Пруссіею и Портою.

Не зная рѣзкой перемѣны русской политики, послѣдовавшей съ воцареніемъ Петра III, Обресковъ доносилъ по привычкѣ въ очень

нелестныхъ выраженіяхъ о стараніяхъ прусскаго посланника предъ Портою прибавить къ трактату артикуль союза, а Рейса-эфенди всячески отговаривалъ отъ этого союза.

Между тѣмъ, совѣмъ не того хотѣлъ новый русскій императоръ, приказавшій отправить Обрескову указъ съ повелѣніемъ стараться поднять турокъ противъ вѣнскаго двора, какъ врага Фридриха II. Порта предпочла, однако, сохранить до поры до времени выжидательное положеніе.

По поводу австрійской политики Петра III не безынтересенъ отзывъ Екатерины II въ разговорѣ съ французскимъ посломъ Бретелемъ, напомнившимъ объ услугахъ оказанныхъ Франціею Россіи при заключеніи Бѣлградскаго мира при императрицѣ Аннѣ. «Война», — отвѣтила Екатерина, — «велась Россіею блистательно, миръ былъ бы еще болѣе блистателенъ, еслибы австрійцы вели себя добросовѣстно; но они насъ завязали тамъ. Петръ III отплатилъ имъ. Мы поквитались»¹⁾).

До вступленія на престолъ Екатерины II вопросъ о торговомъ судоходствѣ на Черномъ морѣ не подвинулся ни на шагъ. Впрочемъ, иностранная морская торговля Россіи въ то время вообще, не процвѣтала, флотъ былъ въ самомъ грустномъ положеніи, на что императрица обратила особенное вниманіе. Однимъ изъ первыхъ ея правительственныхъ мѣропріятій было выписать изъ-за границы моряковъ и мастеровъ для постройки кораблей и для обученія русскихъ мореходному дѣлу. Уже въ самомъ началѣ ея царствованія вопросъ о достиженіи свободы русскаго судоходства въ Черномъ морѣ составлялъ одну изъ главныхъ ея заботъ.

Съ половины 1763 года Обресковъ начинаетъ сообщать тревожныя извѣстія: онъ добылъ инструкцію Порты посланнику отправлявшемуся въ Берлинъ для заключенія союза съ Пруссіею. Въ инструкціи говорилось: «во время пребыванія въ Польшѣ дать знать полякамъ, что Оттоманская Порта не лишитъ польской республики помощи и покровительства и отнюдь не позволитъ нарушенія ея древнихъ правъ и вольностей».

По кончинѣ Августа III и въ предвидѣніи замѣшательства, Обрескову вмѣнено было въ обязанность всячески стараться «доказать Портѣ ея собственную выгоду въ раздѣленіи польскими дѣлами нашего интереса отъ интереса австрійскаго».

Въ Константинополѣ снова началась дипломатическая борьба: французскій посланникъ Вержень, желая предоставить польскую корону Саксонскому дому, настаивалъ предъ Портою о необходимости для нея вмѣшаться въ польскія дѣла. Обресковъ совмѣстно съ прусскимъ посланникомъ Рескинымъ, доказывалъ необходимость

¹⁾ «Исторія Россіи», Соловьева, т. XXV, 325.

предоставить полякамъ свободу выбрать себѣ короля изъ своихъ. Наконецъ, за три тысячи червонныхъ Обрескову удалось склонить Порту на свою сторону.

Но Вержень и польскій резидентъ Станкевичъ не переставали интриговать предъ турками, выставляя на видъ, что Польша лишена свободы выбора себѣ короля и что Екатерина II силою возведетъ на престолъ Понятовскаго. Благодаря искусству Обрескова дѣлать внушенія вліятельнымъ лицамъ, представленія Станкевича остались безъ послѣдствій. Кромѣ того, посланникъ нашъ привлекъ на нашу сторону переводчика Порты, Григорія Гику, назначеннаго молдавскому княземъ и обѣщавшаго усердно служить императрицѣ, за что ему былъ подаренъ соболій мѣхъ въ тысячу рублей. Императрица была такъ довольна дѣятельностью Обрескова, что собственноручно написала на реляціи: «ревность, искусство и усердіе Обрескова довольно похвалить не можно, да благословить Господь Богъ и впредь дѣла наши тако».

Въ 1764 году, подъ вліяніемъ ханскихъ писемъ и того что разбитый русскими войсками, князь Радзивиллъ прибѣжалъ въ турецкіе предѣлы и, горько жалуясь на Россію, отдался подъ покровительство Порты, — султанъ пришелъ въ сильную ярость и велѣлъ послать Обрескову отзывъ составленный, по его словамъ, «въ терминахъ грубѣйшихъ и неучтивѣйшихъ». Поведеніе Россіи относительно Порты называлось непристойнымъ и безчиннымъ. Обресковъ величался лжецомъ и обманщикомъ.

Обресковъ, зная по опыту, что въ Турціи надобно имѣть и лисій хвостъ, и волчій ротъ, на другой же день подаль записку, гдѣ далъ почувствовать, что такія выраженія не пристойны въ сношеніяхъ между знатными державами и что порицанія неосновательны, — что Польша — республика независимая и кого бы ни избрала себѣ, ни одна держава на это досадовать не можетъ, что послѣдняя война у Россіи съ Турціей также произошла вслѣдствіе разныхъ извѣстій, которымъ слишкомъ легко повѣрили, а война эта стоила каждой изъ воевавшихъ сторонъ можетъ быть болѣе ста тысячъ человѣкъ.

Пришлось также Обрескову опровергать слухи о бракѣ императрицы съ Понятовскимъ, послѣ избранія его въ короли, которые «суть не только самомерзкія клеветы, но явныя оскорбленія или, лучше сказать, богохульства для освященной ея персоны, на которыя она гнушается и отвѣчать, будучи вполне увѣрена, что Порта такимъ богомерзкимъ пусторѣчіямъ никакой вѣры не подала».

Въ совѣтѣ Порты, созданномъ послѣ избранія Понятовскаго, было рѣшено, что рекомендація этого послѣдняго, сдѣланная русскимъ дворомъ и подкрѣпленная многочисленнымъ войскомъ, совершенно противна правамъ республики и даннымъ Россією торжественнымъ увѣреніямъ о невмѣшательствѣ, а потому, видя, что

ни на какія обѣщанія нельзя болѣе полагаться, Порты безъ потери времени должна принять необходимыя мѣры къ охраненію себя отъ умысловъ русскаго двора.

За временнымъ отсутствіемъ Обрескова, нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ въ 1765—1768 гг. былъ довольно извѣстный писатель прошлаго вѣка, совѣтникъ посольства Павелъ Артемьевичъ Левашевъ; онъ написалъ «Картину или описаніе всѣхъ нашествій на Россію татаръ и турокъ и ихъ тутъ браней, грабительствъ и опустошеній, начавшихся съ X вѣка», затѣмъ «О первенствѣ и предсѣдательствѣ европейскихъ государей и ихъ пословъ и министровъ» и, кромѣ того, еще «Поденную записку во время прошедшей съ турками войны отъ дня объявленія оной по 1793 г.».

Главнымъ союзникомъ Австріи и Франціи въ Константинополѣ былъ крымскій ханъ Крымъ-Гирей. Въ апрѣлѣ 1765 г. ему удалось сильно раздражить султана противъ Россіи. Австрійскій интернунцій Пенклеръ, узнавъ объ этомъ раздраженіи, тотчасъ предложилъ возобновленіе бѣлградскаго договора между Австріею и Турціею и въ то же время, зная по прежнему союзу и откровенности Обрескова, какіе «каналы» употреблялъ онъ для полученія свѣдѣній о намѣреніяхъ Порты, сталъ открывать послѣдней эти «каналы».

Но въ то время, какъ Россія ради дружбы съ союзнымъ прусскимъ королемъ ссорилась по польскимъ дѣламъ съ австрійскимъ дворомъ, посоль Фридриха II въ Константинополѣ, Рескинъ, за нашею спиною, искалъ заключенія вѣчнаго оборонительнаго союза съ Портою, выставляя себя единственнымъ защитникомъ вольностей польскихъ противъ русскихъ интригъ.

Извѣстія о вооруженіяхъ Австріи побудили русскій дворъ подписать въ 1767 г. договоръ съ Пруссіею, по которому Россія приняла на себя защиту диссидентскихъ правъ вооруженною силою. Обресковъ проявлялъ усиленную дѣятельность въ уничтоженіи козней враждебныхъ намъ державъ, побуждавшихъ Порту заступиться за поляковъ, и въ 1768 г. настаивалъ, что для сохраненія добрыхъ отношеній съ Портою необходимо какъ можно скорѣе покончить съ Барскими конфедератами. Благодаря искусству Кречетникова, въ іюнѣ конфедераты были всѣ разсѣяны, но при этомъ одинъ гайдамацкій отрядъ изъ шаекъ Гонты и Желѣзняка, преслѣдуя польскихъ мятежниковъ, захватилъ Балту и Дубоссары—мѣстечки, принадлежавшія крымскому хану, при чемъ было убито свыше 1,800 татаръ, молдаванъ и турокъ.

Порта была такъ взволнована этимъ извѣстіемъ, что Обресковъ едва успѣлъ ее удержать отъ немедленнаго объявленія войны увѣреніями, что дѣло произошло вопреки намѣреніямъ императрицы, которая дастъ Портѣ полное удовлетвореніе. Тѣмъ не менѣе, Порта

приказала придвинуться къ границамъ двадцатитысячному корпусу. Обрескову предписывалось въ переговорахъ съ турками соединять ласку съ твердостью. Панинъ писалъ ему, между прочимъ, «для приданія въ нужномъ случаѣ словамъ вашимъ у турецкаго министерства большей силы лестнымъ блескомъ золота изволили ея императорское величество повелѣть отправить къ вамъ 70,000 рублей».

Не смотря, однако, на это, новый великій визирь, подъ внушеніемъ герцога Шуазеля, на первой же аудіенціи обошелся съ Обресковымъ крайне грубо и потребовалъ, чтобы онъ поручился, что русскія войска будутъ выведены изъ Польши и что Россія откажется отъ гарантіи всего постановленнаго на послѣднемъ сеймѣ и отъ защиты диссидентовъ, предупредивъ, что если Обресковъ не дастъ требуемаго поручительства, то будетъ война. Нашъ резидентъ отвѣтилъ, что дать подобное обязательство не въ его власти. Тогда ему и одиннадцати членамъ посольства былъ объявленъ арестъ; ихъ посадили въ подземелье башни Едикуле. Здѣсь они провели сутки и когда комендантъ донесъ, что плѣнники не могутъ и трехъ сутокъ вытерпѣть такого заключенія, по причинѣ сырости и духоты, то ихъ перевели въ двѣ маленькія избушки, куда свѣтъ проходилъ чрезъ двери и небольшія окна, находившіяся въ потолокъ. Не смотря на это, Обресковъ находилъ возможность пересылать Панину извѣстія о положеніи дѣлъ въ Константинополѣ и совѣты, какъ вести войну. Въ декабрѣ онъ притворился отчаянно больнымъ, подкупилъ лекарей и коменданта и былъ переведенъ въ лучшее помѣщеніе.

Къ наступившей совершенно неожиданно войнѣ Россія не была готова, однако, наскоро были приняты всѣ мѣры, начальниками войскъ были назначены князь Голицынъ и графъ Румянцевъ и, по почину Орлова, былъ тогда же возбужденъ вопросъ о цѣли, какую будетъ имѣть начинающаяся война. Совѣтъ рѣшилъ, что при заключеніи мира надобно выговорить свободу мореплаванія на Черномъ морѣ, а для того еще во время войны стараться объ учрежденіи тамъ порта и крѣпости, со стороны же Польши установить такія границы, которыя бы никогда не нарушали спокойствія. вмѣстѣ съ тѣмъ, по совѣту того же Орлова, рѣшена экспедиція въ Морею и Средиземное море, дабы, во-первыхъ, помочь грекамъ завоевать свободу, а во-вторыхъ, захватомъ одного или двухъ острововъ въ Архипелагѣ воспрепятствовать снабженію Константинополя съѣстными припасами чрезъ Дарданеллы.

Начальникъ экспедиціи Орловъ долженъ былъ распространять воззваніе Екатерины II къ греческимъ и славянскимъ народамъ Турціи, возбуждавшее ихъ къ возстанію и къ избавленію себя отъ ига «злочестивыхъ агарянъ», пользуясь обстоятельствами настоящей войны, дабы пріобрѣсти себѣ прежнюю независимость. При-

чина войны объяснялась такъ: «Порта Оттоманская, по обыкновенной ей злобѣ къ православной церкви нашей, видя старанія, употребляемыя за вѣру и законъ нашъ, который мы тщились въ Польшѣ привести въ утвержденныя трактатами древнія его привилегіи, кои по временамъ у него насильно похищены были, дыша мщеніемъ, презрѣвъ всѣ права народныя и самую истину, за то только одно, по свойственному ей вѣроломству разруша заключенный съ нашею имперіею вѣчный миръ, начала несправедливѣйшую и безъ всякой законной причины противу насъ войну и тѣмъ убѣдила и насъ нынѣ употребить дарованное намъ отъ Бога оружіе».

Непріязненные дѣйствія начались въ 1769 г. вторженіемъ Крымъ-Гирея, опустошившаго елисаветградскую провинцію и окрестности. Это было послѣднее въ нашей исторіи татарское нашествіе.

Несогласія между Голицынымъ и Румянцевымъ были причиною довольно вялаго веденія войны—русскіе два раза вынуждены были отступать обратно за Днѣстръ. Голицынъ былъ отозванъ, но успѣлъ предъ отъѣздомъ дважды разбить полчища Али-Молдованджи-паши, слѣдствіемъ чего было занятіе Хотина и Яссы. Молдавія присягнула императрицѣ. Вскорѣ былъ занятъ Бухарестъ, при помощи валашскаго вельможи Кантакузина, съ которымъ уже давно былъ договоръ дѣйствовать вмѣстѣ для освобожденія христіанъ отъ турокъ.

Въ началѣ того же года были заняты Азовъ и Таганрогъ, которые Екатерина велѣла немедленно укрѣпить; но главною ея мыслью было устройство флотилии въ Азовскомъ морѣ, для осуществленія которой и были особенно драгоцѣнны оба помянутые выше города, такъ что въ турецкую войну 1768—1774 гг. торговый интересъ игралъ на ряду съ татарскимъ вопросомъ первенствующее значеніе, что признавалось и иностранными правительствами.

Тогда же русскія войска нанесли рядъ пораженій кабардинскимъ народамъ, затѣмъ часть этихъ войскъ была направлена на помощь царямъ грузинскому и имеретинскому, чтобы совмѣстно дѣйствовать противъ турокъ.

Тотчасъ по объявленіи войны Турціи въ умѣ Екатерины была уже мысль отторгнуть Крымъ отъ султана, но не съ тѣмъ, однако, чтобы присоединить его къ Россіи, а съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его независимымъ. Съ этою цѣлью стали дѣйствовать чрезъ запорожцевъ и разсылкою писемъ по Крыму старались внушить мысль къ составленію независимаго правительства.

Въ Черногоріи объявился въ то время самозванецъ Степанъ Малый. Еще лѣтомъ 1768 года отправленъ былъ совѣтникъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, Меркъ, на Черную Гору съ увѣщатель-

ною грамотою къ тамошнимъ жителямъ, чтобы не вѣрили самозванцу. Но Меркъ въ августѣ прислалъ донесеніе, что ѣхать на Черную Гору, не подвергая себя смерти, никакъ не могъ, ибо черногорцы необыкновенно привязаны къ Малому. Екатерина написала на его донесеніи: «еслибъ капитанъ гвардіи былъ посланъ съ грамотою къ черногорцамъ, то бы письмо несумнѣнно отдано было; но сей претонкій политикъ возвратился съ ней не сдѣлавъ, окромѣ преострыя размышленія; я совѣтую его изъ Вѣны отозвать, ибо видно, что онъ способность великую имѣеть здѣсь употребленну быть въ важнѣйшихъ дѣлахъ, а тамъ на него изойдетъ лишь лишняя коллегія издержка». Его смѣнилъ въ Черногоріи князь Долгорукой.

Въ іюлѣ 1770 г. Румянцевъ нанесъ страшное пораженіе сначала 80-тысячному турецко-татарскому войску, собранному при впаденіи рѣки Ларги въ Прутъ, а затѣмъ главнымъ силамъ великаго визиря на берегахъ рѣки Кагула. 17,000 русскихъ разбили въ этомъ послѣднемъ сраженіи на голову 150,000 турокъ, бросившихъ пушки и лагерь въ добычу побѣдителямъ и потерявшихъ одними убитыми до 20,000 человекъ. Слѣдствіемъ этой побѣды было взятіе Измаила, Киіи, Аккермана, Бендеръ.

Тѣмъ временемъ русскія суда пришли въ Морею и вскорѣ овладѣли Навариномъ. Небольшая неудача подъ Модономъ была заглажена заревомъ чесменскаго погрома, въ которомъ уничтоженъ былъ Орловымъ турецкій флотъ: сгорѣло 15 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ и до 50 мелкихъ судовъ. Не смотря на эти успѣхи, морейская экспедиція не достигла своей прямой цѣли—поднятія христіанскаго народонаселенія Турціи: не удалась она, по словамъ Орлова, по винѣ самого народонаселенія.

Весь 1771 г. прошелъ въ мелкой войнѣ на Дунаѣ, но этотъ же годъ ознаменовался покореніемъ русскими Крымскаго полуострова. Когда рѣчь зашла о мирныхъ переговорахъ съ Турціею и въ это дѣло вмѣшался Фридрихъ II, Екатерина категорически заявила этому послѣднему въ своемъ къ нему письмѣ: «Никогда я не буду вести переговоровъ въ Константинополѣ и даже нигдѣ, прежде чѣмъ Обресковъ ко мнѣ не возвратится; его освобожденія я требую безусловно, а послѣ этого освобожденія, если они предложатъ конгрессъ, я буду согласна».

Наконецъ, Обресковъ былъ освобожденъ и въ концѣ 1771 года турки заявили о своемъ желаніи послать уполномоченныхъ на конгрессъ, который и собрался въ іюлѣ мѣсяцѣ 1772 г. въ Фокшанахъ; русскими уполномоченными на немъ были графъ Григорій Орловъ и Обресковъ, которымъ было предписано настаивать, главнымъ образомъ, на двухъ условіяхъ: 1) признаніе независимости всѣхъ татарскихъ ордъ, обитающихъ на Крымскомъ полуостровѣ и внѣ его, и 2) свобода торговли и плаванія по Черному морю.

Конгрессъ въ Фокшанахъ не привелъ ни къ какому результату преимущественно изъ-за того, что турки ни за что не соглашались на признаніе независимости Крыма. Въ письмѣ къ Обрескову, графъ Панинъ приписываетъ разрывъ конгресса «бѣшенству и колобродству» Орлова и увѣряетъ, что императрица сознаетъ, что «вамъ невозможно было ничего иного сдѣлать въ положеніи вашемъ какъ то, что вы сдѣлали. Повѣрьте, мой другъ, что вамъ вся справедливость отдается и ваши прежнія заслуги не помрачатся, конечно, отъ необузданности товарища вашего... мы поставлены теперь въ наикритическое положеніе чрезъ сей разрывъ, возобновляющій войну старую и ускоряющій новую. Вамъ препоручается извлечь отечество изъ такого жестокаго кризиса».

Новый конгрессъ, гдѣ переговоры велъ одинъ Обресковъ открылся въ Бухарестѣ. Последнее слово Екатерины въ руководство Обрескову была ея собственноручная замѣтка: «если при мирномъ договорѣ не будетъ одержана независимость татаръ,—не кораблеплаваніе на Черномъ морѣ,—не крѣпости въ заливѣ изъ Азовской въ Черное море, то завѣрно сказать можно, что со всѣми побѣдами мы надъ турками не выиграли не гроша, и я первая скажу, что таковой миръ будетъ столь же стыдный, какъ прутской и бѣлградской въ разсужденіи обстоятельства».

Конгрессъ начался въ октябрѣ. Условіе о «свободѣ коммерціи и кораблеплаванія на моряхъ» было мотивировано пользою ея для сближенія и взаимнаго благоденствія обоюдныхъ подданныхъ «чрезъ что сохраненіе мира явится тѣмъ болѣе выгоднымъ и необходимымъ для обоихъ народовъ, а слѣдовательно и еще болѣе драгоценнымъ для ихъ правительствъ». Но и этотъ конгрессъ кончился неуспѣхомъ изъ-за крымскихъ городовъ, которыхъ Россія требовала для себя. Относительно поведенія Порты Обресковъ полагалъ, что «военныя операціи скорѣе приведутъ Порту къ миру, нежели самодолговременнѣйшія перемирія».

Переговоры съ Турціею были начаты и не кончились въ 1772 г., но кончились переговоры о раздѣлѣ Польши.

Польскія событія и тѣсно связанная съ ними турецкая война привели къ послѣдствіямъ неожиданнымъ—присоединенію Бѣлороссіи къ Великой и Малой Россіи.

Въ 1773 году Обресковъ доносилъ, что желаніе Порты окончить войну охладѣваетъ и это надобно приписать проискамъ враговъ Россіи въ Константинополѣ — тамошнимъ представителямъ европейскихъ державъ, въ особенности французскому послу Сень-При (St-Priest), которому удалось уговорить Порту продолжать войну въ тотъ именно моментъ, когда она уже готова была заключить миръ «постыдный и вредный какъ для своихъ, такъ и европейскихъ интересовъ». Обресковъ дѣйствовалъ и на прусскаго посланника въ Царьградѣ, Зегелина, и австрійскаго тамъ интер-

нунція, Тугута, стараясь заставить ихъ помочь успѣшному ходу переговоровъ; зная страшную скупость султана, онъ предложилъ, что Россія откажется отъ денежнаго вознагражденія за военные убытки, если Порта согласится на всѣ другія ея требованія. Но Порта, въ свою очередь, предложила, что она не только согласна уплатить 12 миліоновъ рублей вознагражденія, но прибавить еще 9 миліоновъ, если Россія не будетъ требовать Керчи и Еникале и согласится на ограниченіе корабленлаванія на Черномъ морѣ. Обресковъ отвѣчалъ, что если бы Порта предлагала всѣ сокровища міра, то Россія и за нихъ отъ своихъ требованій не отстанеть.

28 февраля Румянцевъ получилъ высочайшее повелѣніе «вынудить у непріятели силою оружія то, чего доселѣ не могли переговорами достигнуть и для того съ арміею или частью ея, перешедъ Дунай, атаковать визиря и главную его армію».

По переходѣ чрезъ Дунай были одержаны побѣды при Карасу, на рѣкѣ Галицѣ, и при Кучукъ-Кайнарджи. Но безкормица и страшное утомленіе кавалеріи вынудили Румянцева перейти обратно на лѣвый берегъ Дуная.

Въ томъ же 1773 году русскіе корабли появились подъ Бейрутомъ, осадили его, принудили къ сдачѣ и отдали крѣпость друзьямъ, которые признали надъ собою покровительство Россіи и обязались воевать съ турками, пока русскіе воюютъ съ ними.

Въ 1774 году, получивъ необходимыя подкрѣпленія, графъ Румянцевъ двинулъ войска за Дунай на Шумлу—мѣстопробываніе великаго визиря. Послѣ побѣды Суворова при Козлуджѣ, когда Каменскій былъ близъ самой Шумлы, а бригадиръ Заборовскій перевалилъ уже черезъ Балканы, визирь прислалъ предложеніе перемирія. Румянцевъ велѣлъ отвѣчать, что онъ объ этомъ и слышать не хочетъ; точно также отклонилъ онъ предложеніе созвать конгрессъ. Видя его несговорчивость, визирь прислалъ въ главный станъ, находившійся въ деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи, уполномоченныхъ для заключенія мира. Съ русской стороны для веденія переговоровъ Румянцевъ назначилъ князя Николая Васильевича Репнина, потому-что Обресковъ не могъ поспѣть вслѣдствіе разлива воды на лѣвомъ берегу Дуная. 10-го іюля, въ самую годовщину дня заключенія прутскаго договора, мирный трактатъ былъ заключенъ и подписанъ на слѣдующихъ условіяхъ, гораздо болѣе выгодныхъ чѣмъ тѣ, на которыя соглашалась Россія въ 1773 году и въ началѣ 1774 года: 1) всѣмъ татарамъ быть вольными и ни отъ кого, кромѣ Бога, независимыми въ своихъ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ, а въ духовныхъ сообразоваться имъ съ правилами магометанскаго закона, безъ малѣйшаго, однако, предосужденія ихъ вольности и независимости. Всѣ земли и всѣ крѣпости въ Крыму, на Кубани и на островѣ Тамани отдаются татарамъ, кромѣ Керчи и Еникале, которыя уступаются Россіи.

2) Россіи уступается также замокъ Кинбурнъ съ его округомъ и всею степью между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ, а Порта удерживаетъ Очаковъ, Молдавію, Валахію и Архипелажскіе острова на выгодныхъ для жителей условіяхъ. 3) Торговля и мореплаваніе купеческимъ кораблямъ дозволяется на всѣхъ водахъ, равно какъ плаваніе изъ Чернаго моря въ Бѣлое (Мраморное) и обратно и въ этомъ отношеніи русскіе подданные пользуются преимуществами предоставленными подданнымъ Франціи и Англіи. 4) Порта обязывается уплатить Россіи за военныя издержки 4.500,000 рублей¹⁾.

«Что касается до обряда, коимъ было трактовано сіе дѣло», писалъ Румянцевъ, «то оно было безъ всякихъ обрядовъ министеріальныхъ, а единственно скорою ухваткою, военною, соотвѣтствуя положенію оружія съ одной стороны превосмогающаго, а съ другой—до крайности утѣсненнаго, я не имѣлъ другихъ свѣдующихъ, кромѣ князя Репнина»²⁾.

Такъ заключенъ былъ миръ «каковаго никто не ожидалъ, да и ожидать не могъ»—слова Екатерины въ рескриптѣ Румянцеву отъ 1 августа 1774 г.

По единогласному отзыву государственныхъ людей, историковъ и публицистовъ западной Европы договоръ этотъ признанъ «верхомъ русскаго дипломатическаго искусства и турецкой глупости»³⁾. Плодами его были: присоединеніе Крыма, распространеніе нашихъ границъ въ Европѣ сначала до Днѣстра, а потомъ до Прута и Дуная, въ Азіи приобрѣтеніе Кавказа и Закавказья, узаконеніе нашего вліянія въ Молдавіи, Валахіи и Сербіи, освобожденіе Греціи, свобода торговли въ Черномъ морѣ и право русскихъ государей покровительствовать своимъ единовѣрцамъ на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи.

Для окончательнаго улаженія дѣла Румянцевъ отправилъ въ Константинополь полковника Петерсона, который вскорѣ далъ ему знать, что дѣло не улаживается. Диванъ требуетъ перемѣны нѣкоторыхъ условій мирнаго договора, въ чемъ ихъ поддерживаетъ прусскій посланникъ Зегелинъ. Румянцевъ уполномочилъ Петерсона «обѣщать до 300,000 руб. тому, кто возьмется уничтожить всѣ происки недоброжелательныхъ людей и довести дѣло до того, чтобъ ратификація была отправлена въ Петербургъ безъ всякихъ измѣненій договора».

Съ своей стороны, Фридрихъ II переслалъ въ Петербургъ депешу Зегелина, въ которой давалось знать, что Порта проситъ прусскаго короля употребить свои добрыя услуги для смягченія условій Кучукъ-Кайнарджійскаго міра. Екатерина написала Па-

¹⁾ «Исторія Россіи» Соловьева, т. XXIX, стр. 94.

²⁾ «Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ», Уляницкаго, стр. 468.

³⁾ «Внѣшняя политика императора Николая I», Татищева, стр. 467.

нину: «вы можете отвѣтствовать завѣрно, что безъ новой войны нынѣшняго трактата ни единой строки не перемѣню».

Въ то же время, больной въ Фокпанахъ Румянцевъ далъ очень твердый отрицательный отвѣтъ на непосредственное къ нему обращеніе великаго визиря, который просилъ объ измѣненіи условій по отношенію къ татарамъ и къ льготамъ предоставленнымъ дунайскимъ княжествамъ.

Твердость отвѣта произвела желанное дѣйствіе и Петерсонъ сообщилъ о рѣшеніи Дивана утвердить договоръ безо всякой перемѣны.

Австрійскій интернунцій въ Константинополь, баронъ Тугутъ, писалъ въ 1774 году, что Кучукъ-Кайнарджійскій миръ есть одно изъ величайшихъ несчастій для Австріи, это - де «печальнѣйшее событіе, полное самыхъ злополучныхъ послѣдствій».

По справедливому замѣчанію Ламанскаго ¹⁾, нетрудно замѣтить все легкомысліе такого сужденія. Если Австрія въ союзѣ съ Россіею въ 1730 и 1780 годахъ не могла успѣшно бороться съ Турціею, то какой же рядъ самыхъ грозныхъ ударовъ и бѣдствій неминуемо постигъ бы Австрію, если бы Турція, неослабленная Екатерининскою войною и этимъ, по мнѣнію Тугута, злополучнымъ миромъ, совсѣмъ не тревожимая Россіею, стала нападать изъ Боснии и Бѣлграда на Австрію въ исходѣ XVIII и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, если бы тѣснившая и поражавшая тогда Австрію Франція обратилась къ старой своей союзницѣ—Турціи противъ Габсбургской монархіи?

Раззореніемъ остававшагося въ Крыму гнѣзда отчаянныхъ хищниковъ, Россія достигала еще одного важнаго результата.

Чуть не каждое пятилѣтіе (среднимъ числомъ), а часто и ежегодно крымцы чинили свои набѣги на Польскую и Московскую Украину. Избѣгая сраженій, они нападали на деревни и села и, вмѣстѣ съ захваченнымъ скотомъ, угоняли за собою тысячи, десятки тысячъ крестьянъ, ихъ женъ и дѣтей. Оставивъ у себя небольшую часть ихъ, всю остальную массу плѣнныхъ продавали они генуэзскимъ купцамъ и евреямъ, которые изъ Кафы отправляли эту массу рабовъ на рынокъ въ Константинополь. Въ четыре столѣтія Великая и Малая Русь и часть Польши (татарскіе набѣги простирались и въ Западную Галицію) можно смѣло полагать лишилась такимъ путемъ не менѣе трехъ, пяти миллионovъ душъ своего населенія.

Венеціанскіе посланники XVI вѣка говорятъ, что вся прислуга Константинополя у турокъ и христіанъ состояла изъ этихъ русскихихъ рабовъ и рабынь. Не было нянекъ и кормилицъ, если крымцы долго не дѣлали набѣговъ на Восточную и Западную Русь. Рус-

¹⁾ «Могущество турокъ въ Европѣ», стр. 22.

скія рабыни встрѣчаются еще въ XV вѣкѣ въ разныхъ городахъ Италіи. Не мало было русскихъ рабовъ и у султановъ мамелюковъ въ Египтѣ. Съ конца XVI вѣка, въ XVII и даже еще въ XVIII вѣкѣ русскихъ рабовъ употребляли на военныхъ галерахъ какъ гребцовъ-колodниковъ, вѣчно закованныхъ въ цѣпи, Венеціа и Франціа.

Кольберъ особенно не жалѣлъ денегъ на покупку этихъ рабовъ на рынкахъ Леванта, а благочестивый Людовикъ XIV только иногда прибавлялъ, чтобы эти Rossiens не были schismatiques.

Въ такихъ размѣрахъ совершалась въ XV, XVI, XVII и XVIII вѣкахъ торговля русскими невольниками и невольницами. Только покореніемъ Крыма былъ положенъ конецъ этой позорной для Европы торговлѣ рабами-христіанами.

Чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Константинополь былъ отправленъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ. Въ наказѣ ему говорилось: «окончивъ толь славно и толь счастливо войну тягостную, положили мы отнынѣ впредь непоколебимымъ правиломъ государственной нашей политики упреждать и отвращать по крайней возможности всѣ поводы и причины къ поврежденію мира и добраго согласія со всѣми окрестными державами, особливо съ Портою Оттоманскою, коея интересы возстановленнымъ нынѣ миромъ болѣе другихъ развязаны съ російскими во всякомъ между собою соперничествѣ. Мы поручаемъ вамъ именно и точно изъяснять при всякомъ случаѣ министерству турецкому сіе наше политическое правило, а изъ онаго предпочтительную нашу склонность не только пребывать съ Портою въ лучшемъ согласіи и сосѣдствѣ, но и показывать ей по обстоятельствамъ всевозможныя угодности... доколѣ Порты будетъ сама сообразовать поступки свои мирнымъ постановленіямъ». Наконецъ предписывалось «о точномъ вездѣ наблюденіи дабы единовѣрные наши нигдѣ утѣсняемы не были».

При представленіи султану князь Репнинъ произнесъ слѣдующую рѣчь: «По благополучно заключенномъ блаженномъ мирѣ между ея императорскаго величества всеавгустѣйшей и всемилостивѣйшей моей государыни и вашимъ султановымъ величествомъ и обѣими высокими имперіями, всеросійскою и оттоманскою, укрѣпленнымъ обоюдными высочайшими императорскими ратификаціями, въ сходность и исполненіе онаго, ея императорское величество повелѣтъ мнѣ соизволила, удостоя меня характеромъ своего чрезвычайнаго и полномочнаго посла, наикрѣпчайше засвидѣтельствовать вашему султанову величеству о истинномъ ея императорскаго величества намѣреніи твердо и ненарушимо содержать тотъ блаженной миръ и возстановленную сосѣдственную добрую дружбу, въ полной силѣ и точности всѣхъ постановленій того свято заключеннаго и торжественно высочайшими ратификаціями укрѣпленнаго мирнаго трактата, основаніемъ служащаго настоящему обѣихъ высокихъ

имперій доброму согласію; надѣясь ея императорское величество, что и ваше султаново величество въ таковыхъ же доброжелательныхъ и миролюбивыхъ сентиментахъ находится изволите, съ истиннымъ намѣреніемъ о ненарушимомъ содержаніи сего блаженнаго мира во всѣхъ его пунктахъ, какъ то явствуется въ высочайшей ея императорскаго величества къ вашему султанову величеству грамотѣ. Я же за особливую честь себѣ поставляю, что имѣю щастіе предстать предъ вашимъ султановымъ величествомъ; а еще щастливѣе себя почту, естли во время моего здѣсь пребыванія удостоюсь носить милость вашего султанова величества, которую я заслужить стараться стану всевозможнымъ прилѣжаніемъ ко умноженію добраго согласія между обѣими высочайшими имперіями, на основаніи заключеннаго между оными трактата вѣчнаго и блаженнаго мира».

Султанъ отвѣтилъ нѣсколькими словами, которыя великимъ визиремъ были переданы вслухъ такъ: «его императорское величество мой всемилостивѣйшій, всеавгустѣйшій государь императоръ, прибѣжище свѣта, повелѣлъ мнѣ возвѣститъ вамъ, что есть его императорская воля, чтобъ мирный трактатъ, заключенный между его имперіею и имперіею російскою, былъ навсегда сохраняемъ и исполняемъ»¹⁾.

Вообще князь Репнинъ былъ принятъ самымъ отмѣннымъ образомъ и данные ему «церемоніальные трактаменты» отличались особою изысканностью. Великій визирь выказывалъ самую предупредительную вѣжливость, такъ напр., когда посолье прибыло къ нему по приглашенію на обѣдъ, то визирь просилъ князя, чтобы «сказалъ ему часъ въ который обыкновенно обѣдаетъ, дабы онъ: къ тому времени приказалъ изготовить столъ, ибо опредѣля сей день на угощеніе столъ пріятнаго ему гостя, не желаетъ онъ его отяготить никакою перемѣною въ его всѣдневныхъ обыкновеніяхъ. Посолье, возблагодаривъ пристойнымъ образомъ визиря за сію его учтивость, отвѣчалъ, что онъ, чувствуя крайнее удовольствіе быть угощаемъ столъ почтеннымъ и привѣтливымъ хозяиномъ, отлагаетъ всѣ свои привычки и проситъ его, визиря, чтобъ онъ себя ни въ чемъ не принуждалъ, и потому опредѣлилъ самъ время ихъ обѣда». Тарелки, а также весь приборъ — ложки, ножи и вилки, которыми ѣлъ посолье были золотые, украшенные алмазами. Послѣ обѣда были разныя увеселенія: балансеры, фокусники, плясуны, пѣсенники.

«Какъ время приближалось къ вечерней молитвѣ, то посолье приказалъ сказать визирю, что онъ, не желая его отратить отъ исполненія сего долга, равно какъ и опасаясь дальнымъ пребываніемъ его обезпокоить, — особливо потому что онъ, визирь, тогда

¹⁾ «Россійское посольство въ Константинополь 1776 года», стр. 56—57.

былъ не очень здоровъ и не совсѣмъ еще избавился отъ приключившагося ему подагрическаго припадка, то и просить извиненія, что долъ не останется, причемъ онъ благодарить визиря за всѣ ему сдѣланныя почести и привѣтствія. На это визирь отвѣтилъ, что присутствіе посла никогда ему въ тягость быть не можетъ и что оно напротивъ вылечило его совсѣмъ отъ подагры. Но при всемъ томъ, какъ онъ можетъ быть уже самъ обезпокоился, то не хочетъ болѣ его задерживать¹⁾. Поданы были еще разъ шербетъ и трубки, причемъ на посла надѣли соболью шубу, крытую сукномъ, въ карманы положили три платка, въ которыхъ были завернуты часы золотые съ алмазами. На секретарей посольства надѣли горностаевыя шубы, а на кавалеровъ посольства и трехъ драгомановъ — камлотовыя кафтаны называемыя хереке. «Послѣ сего визирь и посолье, сдѣлавъ другъ другу приличные комплименты, встали въ одно время и пошли каждый въ свою сторону». По прибытіи на пристань, послу объявили, что лошадь, на которой онъ ѣхалъ, дарится ему визиремъ со всѣмъ ея уборомъ.

Не смотря на такое чествованіе ея посла, въ Россіи въ началѣ 1776 г. не были убѣждены, что война не начнется снова въ самомъ непродолжительномъ времени. Главною тому причиною было упорное желаніе турокъ отказаться отъ выполненія условія послѣдняго трактата касательно крымской независимости. 12-го февраля пріѣхалъ въ Константинополь новый нашъ посланникъ, переведенный изъ Стокгольма, Александръ Стахievичъ Стахievъ и далъ знать въ апрѣлѣ, что «кажется турецкое министерство не намѣрено отступить отъ своихъ безпутныхъ и невѣжливыхъ требованій относительно татаръ». Ободряемая слухами о несогласіяхъ Россіи съ шведами и Польшею, а также поддерживаемая австрійцами и французами, Порта стала крайне не исправна по уплатѣ слѣдующей съ нея контрибуціи и не хотѣла пропускать чрезъ Босфоръ русскихъ судовъ съ товарами, отправленныхъ изъ Кронштадта въ Керчь. Ничто не помогало, ни рѣшительный тонъ Стахieва, ни щедрые подарки разнымъ турецкимъ сановникамъ — пришлось двинуть русское войско къ Перекопи. Весь 1777 г. прошелъ въ переговорахъ по крымскимъ дѣламъ, а въ іюнѣ 1778 г., въ виду намѣренія турокъ отправить флотъ и войско на помощь татарамъ, принадлежавшимъ къ партіи противниковъ Россіи — Стахievъ сталъ готовиться къ отъѣзду. Въ томъ же году въ Константинополѣ были народныя волненія и два матроса, между прочимъ, покушались на жизнь Стахieва, но безуспѣшно. Порта дала, впрочемъ, нашему правительству по этому поводу полное удовлетвореніе.

Увидѣвъ что Россія готовится принять рѣшительныя мѣры, Порта обратилась къ посредничеству французскаго посла, Сень-

¹⁾ Ibid стр. 65.

При, благодаря вмѣшательству котораго въ 1779 г., Стахievъ заключилъ конвенцію, по которой Россія согласилась предоставить султану духовную инвеституру крымскихъ хановъ, избираемыхъ всѣмъ народомъ, а Порты обѣщала не вмѣшиваться въ политическія дѣла Крыма, свободно пропускать изъ Чернаго моря въ Мраморное русскія торговыя суда и предоставить новыя права христіанскимъ жителямъ Молдавіи, Валахіи и Мореи. По этому случаю, Стахievъ получилъ отъ императрицы самый милостивый рескриптъ — съ полнымъ одобреніемъ всего сдѣланнаго и 1000 душъ въ Бѣлоруссіи, а французскому послу было объявлено отъ имени императрицы благоволеніе, за его ревностные, полезные труды и помощь въ переговорахъ. Любопытно, что этимъ обстоятельствомъ воспользовался версальскій кабинетъ, чтобы устами графа Морепая заявить нашему послу, князю Барятинскому о взаимныхъ интересахъ: «Франція и Россія со временъ Петра Великаго нѣсколько разъ были готовы заключить дружескіе и торговые договоры, но всегда встрѣчались препятствія: ея императорское величество, достойная и истинная наслѣдница всѣхъ великихъ дѣлъ и замысловъ Петра—ей и предоставлено довершить недоконченное... по моему нѣтъ еще двухъ другихъ державъ, которыя бы имѣли столько побужденій быть въ согласіи какъ Россія и Франція»¹⁾).

Постоянные раздоры и усобицы въ Крыму привели, наконецъ, къ общему мятежу. Ставленникъ нашъ Шагинъ-Гирей бѣжалъ подъ защиту русскихъ, а затѣмъ сложилъ съ себя ханское достоинство. Потемкинъ принялъ тогда самую рѣшительныя мѣры — быстро занялъ всѣ земли татарскія, вытѣснилъ оттуда турокъ. Крымскіе и ногайскіе мурзы присягнули на вѣчное подданство Екатеринѣ и 8-го апрѣля 1783 г. Крымъ былъ присоединенъ къ Россійской имперіи. Турція сначала протестовала, но въ виду значительныхъ военныхъ силъ собранныхъ Россією и заявленія союзника Екатерины, Иосифа II, что въ случаѣ разрыва онъ соединитъ свою армію съ русскою, Порты отказалась отъ мысли о войнѣ и вступила въ переговоры съ нашимъ посланникомъ Булгаковымъ, замѣнившимъ въ 1781 году Стахіева.

Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей нашихъ въ Константинополѣ, воспитывался въ Московскомъ университетѣ, вмѣстѣ съ Потемкинымъ, откуда произошла ихъ дружба на всю жизнь. Онъ служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и сопровождалъ въ Царьградъ посольство князя Репнина.

Переговоры Порты съ Булгаковымъ привели къ заключенію 28-го декабря 1783 г. конвенціи, по которой статья Кучукъ-Кайнарджійскаго мира о независимости Крыма была уничтожена и Кубань назначена границею между Россією и Турцією.

¹⁾ «Исторія Россія, Соловьева», т. XXIX, стр. 320.

Въ томъ же году только въ іюнѣ мѣсяцѣ, Булгаковымъ былъ заключенъ съ Портою торговый трактатъ, по которому Россіи предоставались права наиболѣе благопріятствуемой націи, а также подтверждалось право русскихъ купеческихъ судовъ свободно проходить чрезъ Босфоръ и Дарданеллы, причѣмъ право это распространено на «всѣ купеческіе подъ російскимъ флагомъ корабли».

Послѣдующіе торговые трактаты наши съ Турціею были заключены въ 1846 г. Титовымъ и въ 1862 г. княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ.

Утратившая по Версальскому договору 1783 г. свои сѣвероамериканскія колоніи, Англія стремится вознаграждать себя завоеваніями въ Индіи. Развитие ея торговли на Востокѣ становится главнымъ двигателемъ ея политики, для этого ей представляется необходимымъ отстаивать неприкосновенность Оттоманской имперіи, которую тѣмъ временемъ Россія и Австрія собирались поделить между собою, сокрушивъ ее окончательно извѣстнымъ проектомъ возстановленія греческой имперіи и созданіемъ независимой Дакіи. Вслѣдствіе того Англія подготавливаетъ турецко-прусско-шведскую коалицію противъ австро-русскаго союза и побуждаетъ Порту къ войнѣ надеждою снова возвратить Крымъ подъ власть султана.

Лѣтомъ 1787 года Реисъ-эфенди предъявилъ Булгакову такія требованія, на которыя русское правительство не могло согласиться. Порта требовала выдачи спаспагося въ Россію молдавскаго господаря Маврокордато, — отозванія русскихъ консуловъ изъ Яссы, Бухареста и Александріи, — признанія грузинскаго царя Ираклія турецкимъ подданнымъ и осмотра всѣхъ русскихъ кораблей приходящихъ изъ Чернаго моря. Получивъ отказъ на всѣ эти требованія, Порта объявила Россіи войну, а Булгакова посадила въ Семибашенный замокъ (Едикуле), гдѣ онъ просидѣлъ 27 мѣсяцевъ и успѣлъ за это время перевести огромное двадцатисемитомное сочиненіе аббата де-ла Порты, напечатанное затѣмъ въ Петербургѣ подъ заглавіемъ «Всемирный путешественникъ».

Несмотря на строгость надзора, Булгаковъ находилъ средство и изъ Едикуле писать князю Потемкину, графу Безбородко и самой императрицѣ, увѣдомляя о намѣреніяхъ великаго визиря и о противодѣйствіи французскаго посла.

Когда при дальнѣйшемъ развитіи кампаніи выяснилось очевидное превосходство русскихъ войскъ, французскій посоль въ Константинополь, графъ Шуазель-Гуффе, предвидя лишь новыя бѣдствія для Турціи, старался сблизить обѣ воюющія державы. Освобожденіе Булгакова изъ Едикуле казалось ему лучшимъ къ тому средствомъ. Убѣдивъ турецкое министерство въ пользѣ такой мѣры, онъ извѣстилъ русскаго посланника, что французскій фрегатъ будетъ ожидать его въ Босфорѣ и что ему остается только

втайнѣ заняться приготовлениями къ скорому отъѣзду. Но Булгаковъ ни минуты не поколебался отвѣтить Шуазелю, что освобожденіемъ своимъ онъ можетъ быть обязанъ единственно побѣдамъ россійскаго оружія или повелѣнію своей государыни и остался въ тюрьмѣ.

Послѣ паденія Очакова и Измаила султанъ постѣвшиль отпустить Булгакова.

Этотъ проникнутый чувствомъ достоинства дипломатъ былъ въ послѣдствіи виленскимъ и гродненскимъ губернаторомъ и своими рѣшительными мѣрами спасъ въ 1798 году край отъ заразы.

Мѣдленность дѣйствій русскихъ войскъ въ началѣ кампаніи, несогласія между вождями и неудачныя дѣйствія австрійцевъ во многомъ повліяли на исходъ всего дѣла. Не смотря на взятіе Очакова и Измаила, на блистательныя побѣды Суворова при Фокшанахъ и Рымникѣхъ и на то, что Швеція, послѣ неудачной войны съ Россією, должна была выйти изъ коалиціи, Россія была въ изолированномъ положеніи, такъ какъ преемникъ Іосифа II, Леопольдъ заключилъ отдѣльный миръ съ турками. Вдобавокъ русскіе финансы были въ крайнемъ истощеніи. Поэтому Екатерина вступила въ переговоры съ турками и миръ былъ подписанъ въ Яссахъ 29-го декабря 1791 года: границею обѣихъ имперій съ одной стороны признается Днѣстръ, съ другой рѣка Кубань, Молдавія и Валахія освобождаются отъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ и Порта обязуется не требовать за послѣдующіе отъ заключенія мира два года никакой дани или повинностей съ этихъ княжествъ.

Мирный трактатъ былъ заключенъ извѣстнымъ уже намъ княземъ Репнинымъ, въ теченіе предшествующей кампаніи успѣвшимъ дважды разбить турокъ на Салчѣхъ и у Мачина. При Павлѣ I, онъ былъ сдѣланъ въ 1798 г. фельдмаршаломъ и отправленъ посломъ въ Вѣну и Берлинъ, но вскорѣ затѣмъ уволенъ и поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1801 г.

Отправленный въ Царьградъ посломъ, обезсмертившій въ послѣдствіи свое имя изгнаніемъ изъ Россіи французомъ, Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ былъ встрѣченъ въ Константинополѣ султаномъ Селимомъ III съ особымъ почетомъ. Чтобы сдѣлать ему удобное, французы, преданные тогдашнему революціонному правительству, получили приказаніе выѣхать изъ Константинополя, Порта обезпечила свободное плаваніе въ Архипелагѣ нашихъ купеческихъ судовъ, — враждебный намъ молдавскій господарь былъ смѣненъ.

Тщетно Франція старалась силою золота уничтожить вліяніе нашего двора на Турцію — Кутузовъ успѣлъ сохранить перевѣсъ на сторонѣ Россіи. Любуясь видами Царьграда, отдыхая тамъ отъ трудовъ ратныхъ, Кутузовъ называлъ въ послѣдствіи это время «счастливейшимъ въ его жизни».

Въ концѣ XVIII вѣка усиливается разстройство политическаго организма Турціи. Портѣ приходится бороться и съ папами, которые начинаютъ стремиться къ самостоятельности и съ все усиливающеюся идеею національной независимости разныхъ входящихъ въ составъ Оттоманской имперіи христіанскихъ народностей. Назрѣваніе этой идеи шло издавна, съ самаго 1453 года. Въ своей религіи, въ церкви эти народности находили и находятъ свое объединяющее начало, которое безпрестанно напоминаетъ имъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ покорителями, что онѣ выше ихъ и что, потому, рано или поздно для нихъ долженъ пробить часъ освобожденія, тѣмъ болѣе, что въ единовѣрной Россіи онѣ постоянно встрѣчали и нравственную и матеріальную поддержку. Мысль объ освобожденіи у турецкихъ христіанъ была неразрывно соединена съ мыслью о Россіи, всѣ преданія утверждали, что настанетъ время, когда придетъ съ сѣвера «русый» народъ и низвергнетъ мусульманское владычество. Постепенное усиленіе русскаго вліянія въ Константинополь имѣло слѣдствіемъ постепенное облегченіе участи турецкихъ христіанъ, которые, благодаря покровительству великой православной державы, имѣя точку опоры, всё болѣе и болѣе расправляли свои крылья, все болѣе и болѣе воспитывались для свободы. Фактическое освобожденіе ихъ начинается именно съ сѣвера, какъ ближайшаго къ Россіи: получаютъ автономію Дунайскія княжества, затѣмъ уже въ XIX вѣкѣ Сербія, Греція и въ концѣ концовъ Болгарія.

Цѣною драгоцѣннѣйшей крови русскаго народа, потоками пролитой въ цѣломъ рядѣ войнъ съ Турціею, постепенно освобождаются христіанскія народности подвластныхъ султану и слагаются въ отдѣльные политическіе организмы. Трактаты Кучукъ-Кайнарджійскій, Яссскій, Бухарестскій, Адрианопольскій и Санъ-Стефанскій — все это яркіе свѣточки, освѣщающіе тяжкій путь пройденный Россіею на Балканскомъ полуостровѣ.

По отношенію къ Россіи послѣ Ясскаго мира Турція не подавала никакихъ поводовъ къ неудовольствію и очень предупредительно относилась къ новому посланнику нашему, Виктору Павловичу Кочубею.

Родной племянникъ канцлера, князя Александра Андреевича Безбородко, воспитанный въ его же домѣ и закончившій свое образованіе въ Женевѣ и Лондонѣ, Кочубей двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду былъ уже посланникомъ: рѣдкое по тогдашнему времени его образованіе, предрасполагавшее его умъ стремиться къ осуществленію повсюду полезныхъ реформъ, снискало ему особенное уваженіе султана Селима, который также въ реформахъ искалъ средства оживотворить одряхлѣвшее тѣло Турціи. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Кочубей искусно поддерживалъ дружественныя отношенія между обоими сосѣдними государствами и выхлопоталъ

новыя права русскимъ купцамъ въ Турціи; на 31-мъ году, переведенный въ Россію, онъ уже былъ вице-канцлеромъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Затѣмъ онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ и умеръ въ 1834 г. въ званіи государственнаго канцлера по внутреннимъ дѣламъ.

Хорошія отношенія между сосѣдними державами привели къ заключенію 23-го декабря 1798 г. между императоромъ Павломъ и султаномъ союзнаго оборонительнаго договора¹⁾, подписаннымъ уже преемникомъ Кочубея, В. С. Томарой.

Когда въ 1802 году были Наполеономъ сдѣланы нѣкоторые намеки касательно раздѣла Турціи, графъ Кочубей прямо высказалъ, что «Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширеніи и нѣтъ сосѣдей покойнѣе турковъ и сохраненіе сихъ естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть кореннымъ правиломъ нашей политики». Мнѣніе это было принято государемъ²⁾.

Съ самаго вступленія Россіи въ общую жизнь Европы, при столкновеніи интересовъ Россіи съ Франціею, эта послѣдняя—при затруднительности по географическому положенію непосредственной борьбы между ними, противодѣйствовала дипломатическими средствами въ трехъ наиболѣе чувствительныхъ для Россіи мѣстахъ—въ Швеціи, Польшѣ и Турціи. Начиная борьбу съ Россіею и желая отвлечь наши силы отъ содѣйствія прусскому королю, Наполеонъ не забылъ этого обыкновеннаго правила французскаго кабинета и отправилъ въ Константинополь ловкаго и знающаго Востокъ дипломата, генерала Себастіани. Благодаря его внушеніямъ, Порта отгѣнила древній обычай, по которому греческія суда плававшія подъ русскимъ флагомъ, пользовались привилегіями русскихъ подданныхъ, затѣмъ въ противность договоровъ, она смѣстила безъ суда и слѣдствія преданныхъ намъ господарей молдавскаго и валашскаго, Маврокордато и Мурузи,—и запретила свободный проходъ русскимъ военнымъ судамъ чрезъ проливы. Оказывалось, что турки вовсе не такіе спокойные сосѣди Россіи, какъ думали нѣкоторые русскіе дипломаты. Отвѣтомъ на этотъ вызывающій образъ дѣйствій было приказаніе русскимъ войскамъ занять въ 1806 г. Дунайскія княжества. Англія дѣйствовала съ нами заодно и адмиралъ Дуквортъ прорвался даже чрезъ Дарданеллы и требовалъ уступки русскимъ требованіямъ, настаивавшимъ на соблюденіи трактатовъ. Диванъ готовъ былъ согласиться на все, но Себастіани успѣлъ укрѣпить наскоро городъ такъ, что Дуквортъ долженъ былъ ѣхать въ Архипелагъ.

¹⁾ «Договоры Россіи съ Востокомъ», Юзефовича, VI.

²⁾ «Императоръ Александръ Первый», Соловьева, 36.

Начало военныхъ дѣйствій было ознаменовано побѣдами Гудовича на Арпачаѣ и Сенявина въ водахъ Лемноса,—отдѣльный отрядъ Исаева былъ отправленъ на помощь сербамъ, которые съ 1801 г. съ успѣхомъ боролись съ турками. Но въ слѣдующемъ же году было заключено перемиріе, такъ какъ Франція по Тильзитскому миру предложила свое посредничество съ тѣмъ, что если Турція не приметъ его или не заключить мира въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, то Франція соединится противъ нея съ Россією и обѣ договаривающіяся стороны согласятся на счетъ средствъ какъ избавить отъ турецкаго ига и притѣсненій всѣ области Оттоманской имперіи въ Европѣ, исключая города Константинополя и провинці Румелии. Впрочемъ Наполеонъ и Александръ I отказались вскорѣ отъ этого проекта и на свиданіи въ Эрфуртѣ Наполеонъ отказался отъ посредничества, согласившись на расширеніе предѣловъ Россіи на Дунай и предоставивъ ей самой добиться того отъ Турціи.

Созванный въ 1809 г. въ Яссахъ конгрессъ для постановленія мирныхъ условій не имѣлъ успѣха, такъ какъ турки отказались исполнить требованія Россіи объ уступкѣ Молдавіи и Валахіи и о разрывѣ съ Англійей. Въ то же время снова загорѣлась борьба Сербовъ за независимость, подъ предводительствомъ знаменитаго Кара Георгія: на помощь сербамъ пришли въ 1810 г. русскіе отряды и вскорѣ вся страна была очищена отъ турокъ.

Дѣйствія русскихъ войскъ въ возобновившейся послѣ неудачи Яскаго конгресса кампаніи были несовсѣмъ счастливы: князя Прозоровскій и Багратіонъ вели дѣло слишкомъ вяло, преемникъ послѣдняго, графъ Каменскій, сначала имѣлъ успѣхъ и овладѣлъ Силистріей и Базарджикомъ, но долженъ былъ отступить отъ Шумлы и Руцукъ. Въ открытомъ полѣ, однако, онъ разбилъ турокъ при Батынѣ на голову, слѣдствіемъ чего была сдача нѣсколькихъ крѣпостей. Каменскій вскорѣ умеръ, передавъ командованіе Кутузову, который началъ съ того, что самъ очистилъ правый берегъ Дуная, укрѣпившись на лѣвомъ берегу въ мѣстечкѣ Слободаеѣ. Но когда визирь вздумалъ его преслѣдовать и самъ перешелъ на лѣвый берегъ, то былъ разбитъ Кутузовымъ на голову. Армія визиря, состоявшая изъ отборныхъ войскъ, большою частью погибла, остальные въ числѣ 12,000 человекъ со всею артилерією сдались въ ноябрѣ 1811 г. Кутузову.

Успѣхи Кутузова повели къ переговорамъ въ Бухарестѣ. Готовился разрывъ съ Францією и нужно было спѣшить заключеніемъ мира съ Турцією и не требовать Молдавіи и Валахіи. Императоръ Александръ писалъ Кутузову: «величайшую услугу вы окажете Россіи поспѣшнымъ заключеніемъ мира съ Портою. Слава вамъ будетъ вѣчная... въ самой же крайности позволяю вамъ заключить миръ, положиа Прутъ, по впаденіе онаго въ Дунай, границею. На

сію однакожь столь важную уступку не иначе повелѣваю вамъ согласиться, какъ постановя союзный трактатъ съ Портою». Во время переговоровъ Наполеонъ прислалъ султану предложеніе союза, султанъ долженъ былъ выступить противъ Россіи съ сотни тысячнымъ войскомъ, за чтò Франція обязывалась возвратить ему Крымъ и всѣ мѣстности уступленныя Портою Россіи въ послѣднія сорокъ лѣтъ. Но султану нечего было думать о войнѣ—у него оставалось только 15,000 регулярнаго войска, финансы были разстроены, янычары бунтовали. Англія обѣщала заморить Константинополь голодомъ, если Порта заключить союзъ съ Франціею, а потому султанъ рѣшился заключить миръ съ Россіею и 16-го мая 1812 года миръ былъ подписанъ въ Бухарестѣ: Прутъ дѣлался границею Россіи, къ которой отходила Бессарабія съ крѣпостями Хотиномъ, Бендерами, Аккерманомъ; Килію и Измаиломъ. Сербіи предоставлялась автономія, Молдавіи и Валахіи подтверждались прежнія привилегіи. Двумя секретными статьями устанавливались правила объ укрѣпленіяхъ Измаила и Киліи и объ азіатскихъ границахъ обоихъ государствъ.

Рѣдкій договоръ былъ для Россіи такъ выгоденъ по обстоятельствамъ времени какъ договоръ Бухарестскій—имъ была прекращена война тягостная въ то самое время когда Россіи необходимо было сосредоточить всѣ свои силы на западной границѣ для борьбы со всею Европою. Турція примирилась съ нами за мѣсяць до вторженія Наполеона въ Россію. Тѣмъ не менѣе Кутузовъ, въ награду за заключеніе Бухарестскаго мира получившій графское достоинство, не исполнилъ воли государя относительно союза съ Портою. Въ письмѣ къ адмиралу Чичагову, замѣнившему Кутузова въ званіи главнокомандующаго, императоръ объяснялъ, что «только этотъ союзъ могъ вывести насъ изъ неловкаго положенія, въ какое миръ поставилъ насъ въ отношеніи къ сербамъ, и другимъ славянскимъ народамъ, столь важнымъ для насъ, особенно въ настоящее время... вы можете предложить Портѣ, вмѣсто вспомогательнаго войска дать намъ сербовъ, босняковъ, кроатовъ и другіе христіанскіе народы, представивъ на видъ, что это предложеніе дѣлается съ цѣлью падить мусульманскую кровь». Въ виду того, что Западъ Европы ополчался на Востокъ ея всѣми своими средствами, государственная мудрость и историческое чутье подсказали Александру необходимость противопоставить Наполеону славянский міръ—онъ велѣлъ Чичагову внушать турецкимъ славянамъ о возможности созданія «славянской имперіи»¹⁾.

Несмотря на Бухарестскій миръ, турки стали все болѣе и болѣе тѣснить Сербію, внутренніе раздоры между сербскими вождами облегчали имъ задачу, Россія же была занята войною съ

¹⁾ «Императоръ Александръ Первый», Соловьева, стр. 222.

Наполеономъ, и вотъ въ 1813 г. турки снова захватываютъ Сербію. Милошъ Обреновичъ, смѣнившій Кара Георгія, призналъ власть турокъ и былъ ими признанъ княземъ. Настроеніе народа принудило его, однако, къ другой политикѣ и онъ вынужденъ былъ въ 1815 г. объявить въ деревнѣ Таково войну туркамъ. Энтузіазмъ охватилъ все населеніе Сербіи и подъ дружнымъ напоромъ возставшихъ турки очищали одну мѣстность за другою. Милошъ не пренебрегалъ и дипломатическими средствами: онъ послалъ въ Константинополь своихъ уполномоченныхъ. Турки, въ виду внутреннихъ затрудненій, готовы были предоставить сербамъ автономныя права, но предварительно попытались склонить Милоша не настаивать на пріобрѣтеніи этихъ правъ, обѣщая за то признать его наслѣдственнымъ владыкою Сербіи. Честолюбивый Милошъ, повидимому, склоненъ былъ принять эти предложенія. Тогда вмѣшался нашъ посланникъ въ Константинополь, баронъ Строгоновъ. Въ декабрѣ 1819 г. Милошъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ говорилось: «я никакъ не могу помыслить, чтобы г. Обреновичъ рѣшился пожертвовать благомъ и надеждами всего народа собственнымъ выгодамъ, тѣмъ болѣе, что оныя тѣсно связаны съ выгодами общими и отъ нихъ зависятъ»...

«Порта», говоритъ Строгоновъ въ другомъ письмѣ, «видитъ сильное желаніе ваше получить наслѣдственный санъ княжескій; она рѣшилась воспользоваться симъ благопріятнымъ для нея обстоятельствомъ, дабы лаская видамъ вашимъ, посредствомъ васъ совершенно поработить Сербію и лишить всѣхъ способовъ къ улучшенію жребія угнетенныхъ. Ужели вы мыслите, что она сдержитъ все обѣщанное вамъ, когда приметъ отъ васъ требуемую присягу? Ужели вы сами согласитесь купить княжество цѣною счастья своихъ соотечественниковъ?»¹⁾

Не желая давать прямого отвѣта сербскимъ уполномоченнымъ, посланнымъ въ 1821 году въ Константинополь для переговоровъ по вопросу о согласованіи правъ Сербіи съ настояніями Порты, эта послѣдняя просто задержала ихъ.

Въ этомъ же году разразилась гроза греческаго возстанія.

Свободолюбивые греки, какъ сказано выше, никогда не оставляли мысли о своемъ грядущемъ освобожденіи, отголосками ея были постоянныя, начиная съ XV столѣтія, революціонныя вспышки въ различныхъ мѣстностяхъ заселенныхъ греками. Движеніе усиливалось подъ влияніемъ Россіи, при каждой своей войнѣ съ Портою призывавшей грековъ въ свои войска, напоминавшей имъ славное прошлое и обѣщавшей имъ свое содѣйствіе къ достиженію независимости и дѣйствительно договоры Кучукъ-Кайнарджійскій, Яскій, Бухарестскій стараются обезпечить за греками

¹⁾ «Сербія и Россія», Попова. Т. II.

возможно большія права. Движеніе усилилось подъ вліяніемъ быстраго распространенія просвѣщенія, средства къ чему доставлялись богатыми греками съ истинно царскою щедростію. Но главный толчекъ былъ данъ учрежденіемъ въ 1814 г. тайнаго общества—Гетеріи,—быстро разросшагося и успѣвшаго заручиться сочувствіемъ Европы къ преслѣдуемой обществомъ цѣли возстановленія греческой независимости. Въ 1821 году гетеристы нашли, что пора дѣйствовать открыто и бывший въ русской службѣ генераль, князь Александръ Ипсиланти, сталъ во главѣ отряда, начавшаго въ Молдавіи открытую борьбу съ турками.

Положеніе Россіи по отношенію къ возставшимъ было очень затруднительное: съ одной стороны, отказъ имъ въ сочувствіи противорѣчилъ бы вѣковымъ преданіямъ русской политики на Балканскомъ полуостровѣ, съ другой, одобреніе дѣйствій мятежныхъ подданныхъ султана шло въ разрѣзъ съ цѣлями священнаго союза—любимаго дѣтища императора Александра.

Меттерниху удалось внушить Александру I необходимость оставить въ этомъ вопросѣ точку зрѣнія русскую и стать на точку зрѣнія общеевропейскую. Князь Ипсиланти былъ исключенъ изъ русской службы, а Портъ было дано знать, чрезъ Строгонова, что Россія не одобряетъ мятежа.

Тутъ султанъ Махмудъ совершилъ непростительную ошибку: не взирая на самый предупредительный образъ дѣйствій нашего посланника, султанъ осыпалъ его самыми несправедливыми упреками, винилъ въ возстаніи Россію, отдалъ приказъ не пропускать русскихъ судовъ чрезъ Босфоръ безъ строгаго досмотра и издалъ манифестъ, имѣвшій цѣлью возбудить фанатизмъ мусульманъ противъ христіанъ вообще. Начались казни знатнѣйшихъ грековъ, въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, на воротахъ патріаршей церкви былъ повѣшенъ патріархъ Григорій, вмѣстѣ съ тремя митрополитами. Несмотря на протесты барона Строгонова, буйства черни продолжались безнаказанно. Въ то же время турецкія войска были, въ противность договоровъ, введены въ Дунайскія княжества. «Я здѣсь игрушка коварной медленности Порты», доносилъ Строгоновъ, «меня занимаютъ пустыми переговорами, тогда какъ войска оттоманскія дѣйствуютъ и предаются неистовствамъ. Съ презрѣніемъ отвергають предложенія справедливыя... каждое событіе ведетъ къ новому оскорбленію. Приняты мѣры произвольныя, нарушающія наши привилегіи. Проходъ чрезъ Дарданеллы запрещенъ нашимъ судамъ нагруженнымъ хлѣбомъ. Велѣно осматривать корабли вопреки смыслу договоровъ». Строгоновъ находилъ войну неизбѣжною и думалъ, что медленность со стороны Россіи поведетъ только къ большому кровопролитію. Отвѣтная депеша Строгонову предписывала ему въ случаѣ «если турецкое правительство будетъ продолжать свою систему разрушенія и не-

честія, то вы должны оставить Константинополь со всѣми чиновниками и людьми принадлежащими къ посольству».

Россія сдѣлала попытку перенести рѣшеніе на судъ Европы, предложивъ державамъ высказаться и выражая готовность отправить войско въ Турцію лишь для приведенія въ исполненіе общихъ рѣшеній державъ. Но державы сочли опаснымъ принять русскія предложенія, а англійскій посоль въ Константинополѣ, лордъ Странфордъ, сталъ дѣйствовать прямо враждебно по отношенію къ Строгонову, который въ концѣ іюля уѣхалъ изъ Константинополя.

Австрія больше всего боялась какъ-бы не возникла война между Россією и Турціей, такъ какъ опасалась за самое существованіе этой послѣдней, а потому въ Вѣнѣ поведеніе Строгонова нашли сначала неразсудительнымъ, потомъ страстнымъ, наконецъ вѣроломнымъ и невыносимымъ. Императоръ Францъ въ письмѣ къ императору Александру нашелъ даже нужнымъ выразить порицаніе барону Строгонову за его поспѣшный отъѣздъ.

Турки никакъ не могли понять того, что такъ хорошо понимали въ Вѣнѣ и Лондонѣ, а именно, что миръ Порты съ Россією убьетъ греческое возстаніе, которое послѣ неудачъ Ипсиланти и подъ вліяніемъ усобицъ между греческими вождями явно клонилось къ упадку. Напрасно Веронскій конгрессъ приглашаетъ Порту исполнить справедливыя и умѣренныя требованія Россіи, заключающіяся въ томъ, что во-первыхъ Порта должна согласиться на переговоры между уполномоченными русскими, союзными и оттоманскими относительно гарантій какія должны получить греки, возвращаясь подъ власть султана,—или же она должна доказать цѣлымъ рядомъ фактовъ, что уважаетъ религію поставленную договорами подъ покровительство Россіи и что она старается возстановить внутреннее спокойствіе въ Греціи, дабы Россія могла получить надежду на прочный миръ и могла быть довольна участію своихъ единовѣрцевъ,—во-вторыхъ совершенно очистить Молдавію и Валахію отъ турецкихъ войскъ, и въ третьихъ отмѣнить мѣры принятыя противъ торговли и свободнаго плаванія по Черному морю.

Англія также не хотѣла допускать Турцію до войны съ Россією, потому что была увѣрена въ торжествѣ этой послѣдней, а потому Странфордъ угрозами заставилъ Порту уступить русскимъ требованіямъ—она сдалась, умолчавъ лишь о требованіяхъ относящихся до грековъ. Вслѣдствіе этой готовности Порты исполнить наши требованія, въ январѣ 1824 года въ Константинополь пріѣхалъ русскій повѣренный въ дѣлахъ, Минчаки, тотчасъ же впрочемъ объявившій, что онъ не имѣетъ полномочія касаться политическихъ вопросовъ и что кругъ дѣйствій его долженъ ограничиться одними торговыми отношеніями. Присылку въ Констан-

тинополь настоящаго министра петербургскій кабинетъ ставилъ въ зависимость отъ исполненія всѣхъ его требованій по греческому дѣлу.

Россія предложила сохранить верховную власть султана надъ Греціею на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ Порты владѣла Дунайскими княжествами. Изъ Греціи будутъ образованы три отдѣльных княжества. Конференціи по греческимъ дѣламъ начались въ Петербургѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Русскій планъ, какъ всякая полумѣра, не удовлетворилъ грековъ и возбудилъ негодованіе турокъ. Англія не захотѣла принять участія въ конференціяхъ, такъ какъ ни одна изъ борющихся сторонъ не изъявляла желанія войти въ сдѣлку на почвѣ взаимныхъ уступокъ. Меттернихъ былъ этимъ крайне недоволенъ, боясь отдѣльнаго дѣйствія Россіи: не даромъ Генцъ ему писалъ: «турецкая имперія должна бояться государствамъ одиночныхъ, а вовсе не государствъ соединенныхъ, ибо никогда не будетъ двухъ, которыя соединятся на ея гибель, тогда какъ ихъ раздѣленіе можетъ дать тому или другому интересы противоположные интересамъ Порты».

Конференція не привела ни къ какому результату тѣмъ болѣе, что державы не согласились на употребленіе противъ Порты какого-либо принудительнаго средства. Съ другой стороны, Порты остановилась въ удовлетвореніи русскимъ требованіямъ въ Дунайскихъ княжествахъ. Въ сентябрѣ 1825 года Минчаки получили бумагу, въ которой говорилось: «упорство Порты возбудило въ высшей степени справедливое негодованіе императора и открыло ему глаза относительно той роли, какую играютъ въ Константинополѣ посланники австрійскій, французскій и прусскій. Съ этихъ поръ императору не угодно въ восточномъ вопросѣ обращать вниманіе на союзниковъ. Онъ будетъ здѣсь идти путемъ, который соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ Россіи и его достоинству». Такимъ образомъ, сама сила фактовъ заставила императора Александра искать для разрѣшенія восточнаго вопроса единственно возможную точку опоры—преслѣдованія чисто-русскихъ интересовъ, не полагаясь на содѣйствіе западной Европы всегда намъ враждебной на Балканскомъ полуостровѣ и всегда изыскивающей лишь наилучшіе способы затруднить тамъ дѣйствіе русской политики.

Терпѣніе Александра истощилось и онъ готовился уже извлечь мечъ за оскорбленное достоинство Россіи и въ защиту грековъ, которые съ отчаянія просили Англію принять ихъ подъ свой протекторатъ, какъ преждевременная смерть прекратила его столь богатую историческими событіями жизнь.

Преемнику его, императору Николаю, должно было немедленно рѣшить вопросъ, быть или не быть войнѣ съ Турціей, тѣмъ болѣе, что наше долготерпѣніе объяснялось въ Константинополѣ слабостью

и уже нанесло чувствительный удар нашему обаянію на Востокѣ. Съ свойственною ему прозорливостью онъ выдѣлилъ въ несогласіяхъ нашихъ съ Портою два вопроса—одинъ греческій, который могъ быть улаженъ совокупнымъ вмѣшательствомъ Европы и другой, касавшійся нарушенія Портою обязательствъ, возложенныхъ на нея нашими съ нею договорами и который, какъ чисто русское дѣло, долженъ былъ быть рѣшенъ непосредственно Россіею, не справляясь съ мнѣніемъ ея союзниковъ. Въ этомъ императоръ Николай оставался вѣренъ коренному началу восточной политики своихъ державныхъ предковъ, постоянно съ твердостью отвергавшихъ посредничество западной Европы въ сношеніяхъ нашихъ съ Турціей.

Нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ, Минчаки, вручилъ Портѣ ноту съ изложеніемъ русскихъ требованій. Мы настаивали на выводѣ турецкихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ съ восстановленіемъ въ нихъ порядка, опредѣленнаго договорами и существовавшего до 1821 года, на немедленномъ освобожденіи сербскихъ депутатовъ, на дарованіи сербамъ слѣдующихъ имъ по Бухарестскому трактату преимуществъ и на отправленіи турецкихъ уполномоченныхъ въ одинъ изъ пограничныхъ городовъ для заключенія соглашенія, «которое положило бы прочное основаніе миру, дружбѣ и доброму сосѣдству Россіи съ Турціей». Отвѣтъ Порты долженъ былъ быть сообщенъ въ шестинедѣльный срокъ. Въ противномъ случаѣ, Минчаки долженъ былъ выѣхать изъ Константинополя.

Твердый тонъ нашего ультиматума произвелъ свое обычное дѣйствіе. Порта исполнила всѣ наши требованія и начатыя въ Акерманѣ переговоры, гдѣ нашими представителями были графъ Воронцовъ и посланникъ въ Константинополѣ Рибопьеръ, привели къ заключенію 25-го сентября 1826 года конвенціи, занимающей важное мѣсто въ ряду договоровъ нашихъ съ Турціею. Она разъяснила и дополнила постановленія Бухарестскаго договора, обезпечивъ за нами то исключительное положеніе, которое было создано для Россіи Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. Порта согласилась оставить за нами всѣ спорныя мѣстности на Кавказѣ, предоставить совершенную свободу русской торговлѣ въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ, не стѣсняя плаванія всѣхъ вообще купеческихъ судовъ подъ російскимъ флагомъ. Въ то же время она торжественно признала право нашего покровительства надъ подвластными ей христіанскими областями Молдавіей, Валахіей и Сербіей, которымъ не только были подтверждены прежнія права и преимущества, но и дарованы новыя льготы, подробно означенныя въ конвенціи.

За улаженіемъ частнаго спора Россіи съ Турціей, оставался на очереди вопросъ греческій: Россія не могла равнодушно смотрѣть на геройскую борьбу своихъ единовѣрцевъ, видимо изнемогавшихъ подъ бременемъ непосильной войны: помимо простого сочувствія

нельзя было не подумать о политической сторонѣ вопроса и о вредныхъ для насъ самихъ послѣдствіяхъ забвенія нашихъ историческихъ преданій по отношенію къ христіанамъ Востока.

Опасаясь, что императоръ Николай силою оружія единолично добьется отъ турокъ рѣшенія греческаго вопроса, англійское правительство отправило въ Петербургъ герцога Веллингтона, который и подписалъ 23 марта (4 апрѣля) 1826 года протоколъ соглашенія по греческимъ дѣламъ, по которому обѣ державы согласились предъявить Портѣ свое посредничество къ тому, чтобы греки, оставаясь подданными султана, получили извѣстную автономію.

Николай I не хотѣлъ войны, но требовалъ, чтобы русское вліяніе было преобладающимъ въ Константинополѣ: взглядъ этотъ изложенъ въ инструкціи Рибопьеру при отправленіи его посланникомъ въ Царьградъ: «географическое положеніе государствъ опредѣляетъ ихъ нужды и пользы. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, что съ того дня, какъ русскія владѣнія коснулись береговъ Чернаго моря, свободное сообщеніе между этимъ моремъ и Средиземнымъ стало однимъ изъ первыхъ интересовъ Россіи, а сильное вліяніе въ Константинополѣ—одною изъ первыхъ ея потребностей». Исходя изъ этой мысли, императоръ наотрѣвъ отказался включить въ договоръ по греческимъ дѣламъ, который по предложенію Франціи долженъ былъ замѣнить петербургскій протоколъ, статью о ручательствѣ великихъ державъ за цѣлость и независимость Турціи. Трактатъ былъ, наконецъ, заключенъ въ Лондонѣ 24 іюня (6 іюля) 1827 года между представителями Россіи, Франціи и Англій: онъ выразилъ рѣшимость договаривающихся державъ положить конецъ кровопролитной борьбѣ и анархіи свирѣпствовавшимъ въ Греціи, въ особенности съ того времени, какъ тамъ неистовствовали призванныя султаномъ на помощь египетскія войска, затѣмъ договоръ повторялъ всѣ статьи петербургскаго протокола. Секретною статью опредѣлялось, что если Порта не приметъ въ мѣсячный срокъ посредничества державъ и не прекратитъ непріязненныхъ дѣйствій съ греками, то державы, чрезъ посредство своихъ эскадръ, находившихся въ Архипелагѣ, примутъ мѣры къ такому прекращенію борьбы.

Греки, ободренные заступничествомъ державъ, провозгласили полную независимость и выбрали себѣ правителемъ графа Іоанна Каподистрія.

Порта, отчасти подъ вліяніемъ Меттерниха, и слышать не хотѣла о вмѣшательствѣ державъ въ греческое дѣло, «внутреннее дѣло» Порты. Не подѣйствовала на нее и Наваринская катастрофа, когда флотъ ея и египетскій былъ истребленъ союзными эскадрами, желавшими во что бы то ни стало прекратить подвозъ подкрѣпленій къ египетскимъ войскамъ, опустошавшимъ Грецію самымъ варварскимъ образомъ. Султанъ Махмудъ рѣшительно отка-

зывался дать грекамъ постановленныя лондонскимъ трактатомъ льготы, ни установить немедленно перемиріе, вслѣдствіе чего представители трехъ державъ подписавшихъ трактатъ выѣхали изъ Константинополя.

Вслѣдъ за выѣздомъ Рибоьера, Порта стала принимать разныя стѣснительныя мѣры противъ нашей черноморской торговли, замышляла изгнать изъ Турціи всѣхъ нашихъ подданныхъ и издала манифестъ, приглашавшій мусульманъ на священную войну съ невѣрными. Россія выставялась заклятымъ врагомъ Оттоманской имперіи, которую она желаетъ-де ниспровергнуть, Россія же главная-де виновница греческаго возстанія.

Чаша долготерпѣнія императора Николая переполнилась и 2-го апрѣля 1828 года изданъ былъ манифестъ объ объявленіи Россіей войны Турціи.

Молдавія и Валахія были заняты безъ выстрѣла; по переходѣ чрезъ Дунай, турецкія крѣпости сдавались одна за другою. Лишь Силистрія и Шумла оказали сопротивленіе. Варна сдалась самому государю, послѣ чего войска пошли на зимнія квартиры за Дунай. На азиатскомъ театрѣ войны успѣхи русскихъ войскъ были еще значительнѣе: Паскевичъ взялъ штурмомъ Карсъ, Ахалцыхъ, Баязидъ.

Несмотря на эти побѣды, Махмудъ упорствовалъ: кампанія слѣдующаго года ознаменовалась блистательною побѣдою графа Дибича подъ Кулевчею, имѣвшею послѣдствіемъ паденіе Силистріи и Адрианополя, и новыми успѣхами графа Паскевича въ Малой Азіи, покорившаго Эрзерумъ.

Все это предвѣщало скорое окончаніе войны и для переговоровъ о мирѣ былъ посланъ въ армію личный другъ императора, графъ Орловъ, о которомъ государь въ письмѣ къ графу Дибичу отзывался какъ о человѣкѣ «вѣрномъ, умномъ и истинно русскомъ».

Въ то же самое время, образованный по высочайшему повелѣнію особый тайный комитетъ обсуждалъ вопросъ объ опредѣленіи основныхъ началъ нашей политики по отношенію къ Турціи. Онъ единогласно постановилъ, что выгоды отъ сохраненія Оттоманской имперіи въ Европѣ превышаютъ ея невыгоды, что слѣдовательно разрушеніе ея было бы противно истиннымъ интересамъ Россіи, что благоразуміе требуетъ предупредить ея паденіе, для чего надлежитъ воспользоваться всѣми обстоятельствами и послѣшнить заключить почетный миръ. Но если пробьетъ послѣдній часъ турецкаго владычества въ Европѣ, то русское правительство обязано будетъ принять самыя энергическія мѣры, дабы войти въ Черное море не былъ захваченъ какою-либо великою державою. Рѣшеніе комитета было утверждено государемъ.

Тѣмъ временемъ султанъ просилъ у графа Дибича мира, который и былъ заключенъ въ Адрианополѣ, 2-го сентября 1829 года.

Условія мира были почетны, выгодны и умѣренны. Для себя Россія получила лишь нѣсколько крѣпостей на Кавказѣ и устье Дуная. Зато Молдавіи и Валахіи не только подтверждались прежнія права и преимущества, но и давались новыя, столь существенныя—какъ, на примѣръ, пожизненное избраніе господарей, скрытіе турецкихъ крѣпостей, очищеніе страны отъ турецкихъ войскъ, учрежденіе мѣстныхъ ополченій—что оба Дунайскія княжества фактически переставали быть турецкими областями. Сербіи обезпечивалось исполненіе условій занесенныхъ въ аккерманскую конвенцію и дававшихъ ей полную административную автономію. По отношенію къ Греціи, Порта признала не только лондонскій договоръ, но и всѣ постановленія засѣдавшей тогда въ Лондонѣ конференціи европейскихъ державъ по греческимъ дѣламъ, постановленія касавшіяся вопросовъ о границахъ, образѣ правленія и внутреннемъ устройствѣ вновь созданнаго государства. Адрианопольскимъ трактатомъ подтверждались права русскихъ подданныхъ на полную и совершенную свободу торговли въ Турціи на сушѣ и на морѣ,—проходъ торговыхъ судовъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы оставался свободенъ не только для судовъ подъ русскимъ флагомъ, но и всѣхъ прочихъ состоящихъ съ Россіею въ мирѣ державъ. Въ возмѣщеніе убытковъ русскіе подданные получаютъ полтора милліона червонцевъ. Военное вознагражденіе Россіи опредѣлено въ десять милліоновъ червонцевъ.

Что иностранцы отдавали себѣ ясный отчетъ въ важности Адрианопольскаго договора служить доказательствомъ записка извѣстнаго Радецкаго, будущаго фельдмаршала, который находилъ, что этотъ договоръ низводилъ Австрію на степень государства второго разряда, тогда какъ Россія, благодаря ему, высоко подняла свое значеніе въ глазахъ восточныхъ христіанъ. Греки ей одной обязаны были своимъ освобожденіемъ, благодаря ей же Молдавія, Валахія и Сербія получили независимое существованіе¹⁾. Чтобы парализовать такое дѣйствіе, Меттернихъ, по соглашенію съ герцогомъ Веллингтономъ, убѣдилъ берлинскій кабинетъ завести рѣчь о томъ, чтобы поставить подъ охрану и ручательство всѣхъ великихъ державъ независимость и цѣлость Оттоманской имперіи.

Русскій дворъ ясно и коротко отклонилъ это предложеніе.

Для возстановленія нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Турціей былъ посланъ генераль-адъютантъ графъ А. Ѳ. Орловъ, который прибылъ въ Константинополь 13-го ноября 1829 года. Въ управленіе же миссіей, въ ожиданіи прибытія посланника, графа Рибопьера, вступилъ Бутеневъ. Въ честь Орлова были даны блестящія празднества: на одномъ изъ нихъ, на балу у Капудана-паши присутствовалъ самъ султанъ—случай дотогѣ безпримѣрный.

¹⁾ «Внѣшняя политика императора Николая Перваго», Татищева, стр. 218

Инструкціи Орлову предписывали ему убѣдить султана въ точности исполнить свои обязанности предъ Россіей и этимъ заслужить расположеніе императора Николая, никогда не отказывающаго въ поддержкѣ тѣмъ, кто полагается на его царское слово.

Случай убѣдиться въ справедливости этихъ словъ не замедлилъ представиться.

Въ 1831 году возсталъ противъ султана сильный папа египетскій—Мехмедъ-Али. Сынъ его, Ибрагимъ, завоевалъ Сирію, разбилъ турецкое войско сначала въ ущельяхъ Тавра, а потомъ при Коніи,—занялъ Смирну и подступилъ къ Бруссу.

Желая помочь султану, Николай отправилъ въ 1832 году въ Александрію Николая Николаевича Муравьева изъяснить Мехмеду-Али неудовольствіе русскаго царя. Проѣздомъ чрезъ Константинополь, онъ долженъ былъ заявить, что какой бы оборотъ ни приняли событія, императоръ «всегда останется врагомъ мятежа и вѣрнымъ другомъ султана». Послѣ свиданія съ Муравьевымъ, Мехмедъ-Али далъ приказаніе остановить военныя дѣйствія, но султанъ, не зная еще о такомъ результатѣ и испуганный побѣдами египтянъ, потребовалъ отъ Бутенева обѣщанной помощи не только флотомъ, но и сухопутными войсками.

Эскадра адмирала Лазарева прибыла въ Босфоръ 9-го февраля 1833 года: суда были подъ главнымъ начальствомъ графа Орлова и стали на якорь предъ Буякдере; 10,000 пѣхоты, подъ начальствомъ Муравьева, расположились на азиатскомъ берегу, у Хункяръ-Искелеси, готовясь отразить Ибрагима, вопреки приказанію отца возобновившаго наступленіе.

Не смотря на то, Порта подъ давленіемъ Франціи, заключила въ Кутахіе миръ съ Мехмедомъ-Али, по которому отдавала послѣднему цѣлую треть своихъ азиатскихъ владѣній. Россія была крайне недовольна такимъ исходомъ дѣла благопріятнымъ для паши, покровительствуемаго враждебною тогда намъ Франціей. Но недовольство ея было ослаблено тѣмъ, что вновь присланный въ Константинополь, чрезвычайнымъ посломъ графъ Орловъ, придерживаясь, по его собственнымъ словамъ, системы «ласкать турокъ одною рукою, сжимая другую въ кулакъ», успѣлъ 26-го іюня 1833 г. заключить съ Турціею Хункяръ-Искелесійскій оборонительный договоръ на восемь лѣтъ, ставившій Турцію подъ охрану и покровительство Россіи и узаконившій наше преобладаніе въ Константинополѣ. Цѣлю союза между Россіею и Турціею была взаимная защита противъ всякаго покушенія, для чего «ихъ величества обѣщаютъ согласоваться откровенно касательно всѣхъ предметовъ, которые относятся до ихъ обоюднаго спокойствія и безопасности». Императоръ россійскій «вслѣдствіе искреннѣйшаго желанія обезпечить существованіе, сохраненіе и полную независимость Блистательной Порты», обѣщаль въ случаѣ надобности предоставить въ

ея распоряженіе необходимое число сухопутныхъ и морскихъ силъ. Отдѣльною тайною статьею постановлялось, что вмѣсто союзной вооруженной помощи, слѣдующей Россіи, на основаніи взаимства, Порты обязуется закрыть Дарданельскій проливъ, «т. е. не дозволить никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ»¹⁾.

Черезъ два дня послѣ подписанія договора войска наши уже вышли изъ Босфора.

Новый разрывъ между Портою и Мехмедомъ-Али представилъ заправлявшему политикой Англии, Пальмерстону, удобный предлогъ къ уничтоженію ненавистнаго Европѣ Хункяръ-Искелессійскаго трактата путемъ «погруженія его въ какой-либо болѣе общій уговоръ такого же рода»²⁾. Разрывъ этотъ послужилъ исходною точкою къ продолжительнымъ и сложнымъ переговорамъ между великими державами, приведшимъ къ такъ называемому европейскому соглашенію по дѣламъ Востока, положившему начало совокупному вмѣшательству державъ въ пользу Турціи. Оно узаконило европейскую опеку надъ Портою и ея христіанскими подданными и лишило Россію не только плодовъ ея вѣковой политики, но и всякой свободы дѣйствія на Востокѣ.

Послѣ страшнаго пораженія, понесеннаго въ 1839 году подъ Низибомъ турецкими войсками, хотя и обученными знаменитымъ впоследствии фельдмаршаломъ графомъ Мольтке, — послѣ измѣны Капудана-паши, передавшаго флотъ египтянамъ, маршалъ Сультъ, первый министръ Людовика-Филиппа принялъ на себя инициативу настояній о необходимости европейскаго соглашенія по египетскимъ дѣламъ, причѣмъ откровенно выразился, что для Англии, Франціи и Австріи главная цѣль такого соглашенія это — сдержать Россію и пріучить ее обсуждать восточныя дѣла сообща.

Сначала предполагалось созвать конференцію въ Вѣнѣ, но она не состоялась въ виду отказа Россіи. Главною причиною этого отказа было включенное въ программу занятій конференцій установленіе совокупнаго ручательства Европы за цѣлость и независимость Оттоманской имперіи — любимой мысли князя Меттерниха.

Прознавъ о намѣреніи англо-французской эскадры пройти Дарданеллы въ случаѣ появленія на Босфорѣ русскихъ вспомогательныхъ войскъ, нашъ вице-канцлеръ, графъ Нессельроде, категорически заявилъ, что Россія не можетъ на то согласиться и что она не допуститъ, чтобы Порты снова подпала вліянію нашихъ враговъ, прибавляя драгоцѣнныя по своей справедливости, и до нынѣшняго времени, слова: «опытъ убѣдилъ насъ, что Турція до тѣхъ поръ

¹⁾ «Договоры Россіи съ Востокомъ», Юзефовича, стр. 91.

²⁾ Prokesch-Osten. Mehmed-Ali. 78.

исполняетъ свои обязательства, пока имѣетъ поводъ бояться наказанія за ихъ неисполненіе»¹⁾.

Лордъ Пальмерстонъ былъ глубоко убѣжденъ въ живучести турецкаго государственнаго тѣла и упорно отрицалъ проявленіе въ немъ несомнѣнныхъ признаковъ разложенія. Главную опасность для Турціи онъ видѣлъ въ зависимости ея отъ Россіи—единственное ея спасеніе—реформы на европейскій ладъ, въ чемъ онъ расходился, однако, съ Меттернихомъ, который признавалъ ихъ «самымъ опаснымъ для нея ядомъ».

Переговоры державъ привели къ подписанію въ Лондонѣ 3-го іюля 1840 года конвенціи (безъ участія Франціи), въ которой державы выражали желаніе «блюсти за поддержаніемъ цѣлости и независимости Оттоманской имперіи въ интересъ упроченія европейскаго мира». Онѣ обязывались заставить Мехмеда-Али принять предложенныя ему новымъ султаномъ условія примиренія, по которымъ ему предоставлялась наслѣдственная власть надъ Египтомъ и южною Сиріею съ обязательствомъ признавать верховную власть султана и платить ему дань. Конвенція подтверждала «древнее правило, въ силу коего всегда воспрещалось военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы—Дарданельскій и Босфорскій». Такимъ постановленіемъ упразднился Хункяръ-Искелесійскій трактатъ по отношенію къ проливамъ, этому ключу отъ нашего дома, какъ называлъ ихъ императоръ Александръ I и Россія торжественно признавала начало вѣшательства Европы во всѣ будущія пререканія наши съ Портою.

Въ виду отказа Мехмеда-Али подчиниться рѣшенію державъ, соединенный англо-австрійскій флотъ овладѣлъ береговыми крѣпостями Сиріи и угрожалъ Александрію, почему владыка Египта вынужденъ былъ въ ноябрѣ 1840 года примириться съ султаномъ.

Дабы еще лучше отмѣтить полное уничтоженіе Хункяръ-Искелесійскаго договора, представители пяти великихъ державъ и султана подписали 1-го іюля 1841 года въ Лондонѣ договоръ, который сводился къ провозглашенію закрытія Дарданеллъ и Босфора для военныхъ флаговъ всѣхъ націй. Этою второю лондонскою конвенціею заключились переговоры великихъ державъ по восточному вопросу. Результатомъ ихъ было коренное измѣненіе соотношеній великихъ державъ между собою, а равно между ними и Востокомъ. Европейское соглашеніе, принципъ, въ силу коего пять державъ, представляющихъ Европу, должны были обсуждать и рѣшать важнѣйшіе политическіе вопросы не иначе какъ сообща, тотъ самый принципъ, который оказался несостоятельнымъ на Западѣ, былъ торжественно и исключительно распространенъ на Востокъ.

¹⁾ Гр. Нессельроде къ повѣр. въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, 18-го іюля 1839 г.

Событія 1848 года отразились смутами въ Дунайскихъ княжествахъ; вслѣдствіе чего выяснилась необходимость произвести въ внутреннемъ устройствѣ ихъ нѣкоторыя перемѣны съ цѣлью предупредить повтореніе революціонныхъ потрясеній. Перемѣны эти изложены въ договорѣ заключенномъ нашимъ посланникомъ въ Константинополь, Титовымъ, въ Балта-Лиманѣ (мѣстечко на Босфорѣ), 19-го апрѣля 1849 года. Договоръ этотъ торжественно подтверждалъ всѣ права предоставленныя Россіи прежними трактатами и, въ частности, право покровительства и ручательства ея въ обоихъ Дунайскихъ княжествахъ; для насъ онъ въ особенности замѣчательнъ тѣмъ, что былъ послѣднимъ въ ряду договоровъ признававшихъ «особенное» положеніе Россіи по отношенію къ Турціи и право покровительства ея нашимъ восточнымъ единовѣрцамъ.

Съ этого времени вліяніе Россіи стало замѣтно ослабѣвать въ Константинополь, замѣняясь вліяніемъ англійскимъ. Англичане стали безцеремонно хозяйничать въ Турціи и на Востокѣ: точно насмѣхаясь надъ трактатами, они то прорываются чрезъ Дарданеллы, то притѣсняють Грецію, придравшись къ дѣлу безсовѣстныхъ требованій еврея Пачифико, — обѣщаніемъ вооруженной помощи подстрекають султана не исполнять требованій императора Николая о выдачѣ венгерскихъ выходцевъ.

Съ нетерпѣніемъ выносилъ русскій царь опеку великобританскаго посла надъ турецкими министрами, не дѣлавшими ни шагу безъ позволенія посла. Могъ ли государь допустить утверженіе на Балканскомъ полуостровѣ такого порядка, одинаково противнаго интересамъ Россіи, правамъ ея и достоинству, могъ ли онъ допустить, чтобы спасенная имъ Турція осмѣливалась противостоять нашимъ законнымъ требованіямъ, могъ ли, наконецъ, онъ, прирожденный, Богомъ помазанный, защитникъ православія, отказаться отъ добытаго русскою кровью права покровительства православной вѣрѣ на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи и остаться равнодушнымъ, когда Порта дерзнула посягнуть на вѣковыя льготы кореннаго православнаго населенія Святой Земли и принесла ихъ въ жертву горсти католиковъ въ угоду новонародившейся французской имперіи?

Съ того дня какъ возникъ споръ о Святыяхъ мѣстахъ, столкновеніе между Россіей и обѣими морскими державами стало неотвратимою историческою необходимостью.

Событія, начиная съ Крымской войны, настолько свѣжи въ памяти всѣхъ, что совершенно достаточно коснуться ихъ лишь вкратцѣ.

Въ 1853 году Порта отвергла, вслѣдствіе подстрекательства западныхъ державъ, предъявленныя ей княземъ Меншиковымъ требованія Россіи по охранѣ правъ нашихъ единовѣрцевъ въ Тур-

ции. Англія, Франція и затѣмъ Сардинія открыто стали на сторону Турціи. Австрія съумѣла и безъ объявленія войны быть въ самыхъ непрязненныхъ къ намъ отношеніяхъ. Геройское сопротивление Севастополя покрыло защитниковъ его неуязвимою славою. Война закончилась Парижскимъ трактатомъ 30-го марта 1856 года, главнѣйшимъ слѣдствіемъ котораго было уничтоженіе всѣхъ особыхъ правъ Россіи по отношенію къ Турціи и къ ея полунезависимымъ областямъ и, во-вторыхъ, приобщеніе самой Турціи къ «европейскому концерту». VII-я статья его объявляла, что «Блистательная Порта признается участвующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ. Ихъ величества (договаривающіеся государи) обязуются каждый съ своей стороны уважать независимость и цѣлость имперіи Оттоманской, обеспечиваютъ совокупнымъ своимъ ручательствомъ точное соблюденіе сего обязательства и вслѣдствіе того будутъ почитать всякое въ нарушеніе онаго дѣйствіе вопросомъ касающимся общихъ правъ и пользы»¹⁾.

Кромѣ того, по отношенію къ Россіи были введены еще слѣдующія статьи: IX-я запрещающая державамъ вмѣшиваться совокупно или отдѣльно въ отношенія султана къ его подданнымъ и во внутреннее управленіе его имперіи, XI-я объявляющая Черное море нейтральнымъ, вслѣдствіе чего Россія либалась права имѣть тамъ военный флотъ и обязывалась не имѣть на берегахъ его военно-морскихъ арсеналовъ (ст. XIII). XX-я статья отбирала отъ Россіи южную часть Бессарабіи и присоединяла ее къ Молдавіи. По статьѣ XXII Молдавія и Валахія, подъ ручательствомъ всѣхъ договаривающихся державъ, должны пользоваться преимуществами и льготами, коими пользовались доселѣ. Ни одной изъ державъ-поручительницъ не предоставляется исключительнаго надъ княжествами покровительства и не допускается никакого особаго права вмѣшательства во внутреннія дѣла ихъ. На тѣхъ же основаніяхъ пользуется своими правами княжество Сербія (ст. XXVIII).

Особою конвенціею, приложенною къ трактату, державы подтвердили принципъ закрытія проливовъ для иностранныхъ военныхъ судовъ.

Лучшая характеристика этого, печальной памяти, договора была сдѣлана нашимъ правительствомъ въ 1878 году: «трактатъ 1856 г., этотъ памятникъ политическихъ страстей, которыя вызвали несправедливую войну и такой же миръ; этотъ актъ поставилъ Россію въ положеніе недостойное великой державы»²⁾.

Такое положеніе долго не могло продолжаться и въ 1870 году Россія отказалась отъ соблюденія стѣснительныхъ для флота ея

¹⁾ «Договоры Россіи съ Востокомъ», Юефовича, стр. 110.

²⁾ Правительственное сообщеніе. «Правительственный Вѣстникъ», 27-го іюля 1878 года.

статей Парижскаго договора, возвративъ себѣ полную свободу на Черномъ морѣ. Отказъ этотъ былъ признанъ Европою, постановленіемъ Лондонской конференціи 1871 года.

Вводя Турцію въ сонмъ европейскихъ державъ, Европа была увѣрена въ несправедливости мнѣнія императора Николая о Турціи какъ о «большомъ человѣкѣ».

Послѣ 1856 года къ постели «больного» были приглашены искуснѣйшіе врачи-специалисты, увѣрявшіе, что «больной» вовсе не безнадеженъ, какъ будто въ одряхлѣвшее тѣло какою-либо микстурою можно вселить новый духъ, сдѣлать тѣло опять сильнымъ, молодымъ... Для испъленія рекомендовались самыя либеральныя рецепты, реформы на бумагѣ слѣдовали одна за другою, съ быстрою поразительною, но сущность оставалась все та же и не могла удовлетворить христіанскихъ подданныхъ султана. Броженіе усиливалось и давало себя знать отдѣльными взрывами, то въ Критѣ, то въ Босніи, то въ Болгаріи. Отдѣльныя области все болѣе обособлялись — Египетъ приобрѣлъ новыя права, Ливану и Криту дарована извѣстная автономія, Сербія избавилась отъ турецкихъ гарнизоновъ, Молдавія и Валахія соединились и образовали Румынію, Болгарія, получившая свою отдѣльную, народную церковь, мечтала и о самостоятельности политической.

Возстаніе въ 1875 горсти невесинцевъ послужило толчкомъ къ быстрому развитію событій на Балканскомъ полуостровѣ. Въ виду распространенія возстанія по Герцеговинѣ, по почину Россіи, были начаты переговоры съ державами о мѣрахъ для успокоенія смуты и предотвращенія кризиса. Послѣдствіемъ переговоровъ была консульская комиссія въ Герцеговину и нота графа Андраши 30-го декабря 1875 года, намѣчавшая цѣлый рядъ преобразованій и улучшеній, которыя державы рекомендовали Портѣ по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ султана. Всѣ эти добрыя намѣренія не привели ни къ какому результату вслѣдствіе совершеннаго отсутствія гарантій исполненія Портою предложенныхъ Европою реформъ.

Желаніе такихъ гарантій вызвало берлинскій меморандумъ въ апрѣлѣ 1875 года, въ которомъ нашъ кабинетъ предлагалъ прибѣгнуть къ демонстраціи соединенныхъ флотовъ, какъ предъ Константинополемъ, такъ и вдоль береговъ европейской и азиатской Турціи. Предложеніе Россіи не осуществилось вслѣдствіе отпора со стороны англійскаго правительства, полагавшаго, что «мѣры давленія несовмѣстимы съ трактатомъ 1856 года, гарантирующимъ Портѣ независимость ея внутренней администраціи».

Пожаръ разгорался. Сербія и Черногорія вступили въ открытую борьбу съ Турціею. Россія снова предложила совокупную военную демонстрацію—Россіи въ Болгаріи, Австріи—въ Босніи и европейскихъ эскадръ въ Константинополѣ и въ водахъ Леванта. И это

предложеніе не имѣло успѣха. Отказомъ же отвѣтила Порты на рѣшенія Константинопольской конференціи, собранной въ 1876 году для улаженія затрудненій. Тѣмъ временемъ, война съ Сербіей и Черногоріей шла своимъ чередомъ—ультиматумъ Россіи остановилъ наступленіе турокъ на сербовъ, потерпѣвшихъ пораженіе,—Болгарія была театромъ страшныхъ звѣрствъ, стоны замученныхъ, беззащитныхъ христіанъ, плачь осиротѣвшихъ дѣтей поднимались къ небу, не встрѣчая себѣ сочувственнаго отголоска.—Западная Европа взирала на все это съ ледянымъ спокойствіемъ.

Послѣ всѣхъ усилій, сдѣланныхъ нашимъ кабинетомъ съ цѣлюю предотвратитъ столь печальное положеніе дѣлъ, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ происходящаго. Борьба, разыгравшаяся на Балканскомъ полуостровѣ, слишкомъ близко затронувала интересы Россіи и какъ великой европейской державы, со-сѣдней съ Турціею, и какъ страны единовѣрной и единоплеменной съ христіанскими подданными Порты. Стало вполне очевиднымъ, что до тѣхъ поръ пока турецкое правительство, основываясь на трактатѣ 1856 года, будетъ увѣрено въ полной безнаказанности, невозможно будетъ добиться отъ турецкой администраціи никакихъ дѣйствительныхъ реформъ.

Часть русской арміи была мобилизована и Россія обратилась къ державамъ съ запросомъ, какъ намѣрены онѣ поступить въ виду рѣшительнаго отказа Порты подчиниться совѣтамъ Европы. Опре-дѣленнаго отвѣта ни отъ кого получено не было. Тогда въ Лондонѣ была сдѣлана послѣдняя попытка въ видѣ лондонскаго протокола, приглашавшаго Турцію добросовѣстно вступить на указанный державами путь преобразованій. Въ противномъ случаѣ, державы, прибавляя протоколъ, должны будутъ сами подумать о способахъ, чтобы обезпечить улучшеніе быта турецкихъ христіанъ. Недостаточно рѣшительный тонъ протокола не укрылся отъ про-ницательности Порты. Сверхъ того, лондонскій кабинетъ счелъ нужнымъ заявить, что если протоколъ не вызоветъ общаго умиротворенія, то онъ потеряетъ всякую силу. Разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ, Порты осталась глуха къ увѣщаніямъ и тогда Россія вынуждена была, за отказомъ Европы, сама принять по-нудительныя мѣры и 12-го апрѣля 1877 г. война была объявлена.

Высочайшій манифестъ объ объявленіи войны указывалъ на живое участіе, которое государь и весь русскій народъ всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи и въ желаніи улучшить и обезпечить его положеніе. Ради сохраненія мира, говоритъ манифестъ: «Мы первоначально поставили Себѣ цѣлюю достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ хри-стіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ». «Усилія Наши не привели, однако, къ желаемой цѣли: Порты не вняла единодушному желанію христіанской Европы», «исчерпавъ до конца миролюбіе наше,

Мы вынуждены высокомерным упорством Порты обратиться къ силѣ оружія». «Мы выразили намѣреніе», заключаетъ манифестъ, «дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить/въ предѣлы Турціи».

Блистательныя побѣды русскихъ войскъ привели ихъ въ Санъ-Стефано подъ стѣны самаго Царьграда и тутъ былъ заключенъ 19-го февраля 1878 года графомъ Н. П. Игнатьевымъ и А. И. Нелидовымъ прелиминарный мирный договоръ, по которому Черногорія, Сербія и Румынія дѣлались независимыми, образовывалось новое обширное, автономное славянское княжество, хотя и вассальное по отношенію къ султану — Болгарія; территорія Черногоріи значительно увеличивалась, — Порта обязывалась ввести реформы въ христіанскія области, примѣнивъ тамъ органической уставъ, который будетъ выработанъ особою комиссіею изъ европейскихъ делегатовъ, — Россія присоединяла къ своимъ владѣніямъ отобранную у нея по Парижскому трактату южную Бессарабію (взамѣнъ которой Турція уступила Румыніи Добруджу) и города Ардаганъ, Карсъ, Батумъ, Баязидъ и земли до Саганлуга.

Въ то же время, постоянно обращаясь въ теченіе кризиса, вызвавшего послѣднюю войну, къ содѣйствію великихъ державъ, императорскій кабинетъ подтвердилъ и тогда, когда никакое сопротивленіе турокъ было немислимо, что онъ нисколько не намѣревался подчинить рѣшеніе восточнаго вопроса видамъ личнаго честолюбія, что вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ Европѣ, а не въ Турціи, всѣми державами и согласно общимъ интересамъ.

Результатъ великодушныхъ намѣреній Россіи извѣстенъ и лишній разъ подтверждаетъ слова великаго знатока Востока, Прокешъ-Остена: «то, что по отношенію Турціи называютъ восточнымъ вопросомъ, есть только вопросъ между Россіею и остальною Европою».

«Желая разрѣшить въ смыслѣ европейскаго строя, согласно постановленіямъ парижскаго трактата 30-го марта 1856 г. вопросы, возбужденные на Востокѣ событіями послѣднихъ лѣтъ и войною, окончившеюся Санъ-Стефанскимъ прелиминарнымъ договоромъ»¹⁾, державы созвали въ Берлинѣ конгрессъ, результаты котораго изложены въ берлинскомъ договорѣ 1-го іюля 1878 г. Онъ во многомъ измѣнилъ постановленія Санъ-Стефанскаго трактата, уменьшивъ территорію Черногоріи и Болгаріи, отдѣленіемъ отъ послѣдней особой привилегированной, но все-таки болѣе зависимой отъ султана области Восточной Румелии. Этимъ же международнымъ актомъ измѣнены границы Сербіи, уменьшенъ срокъ русской оккупации Болгаріи, Греціи предоставлено исправить границу въ Эпирѣ и

¹⁾ Вступленіе въ Берлинскій договоръ.

Оессалии въ смыслѣ увеличенія ея территоріи, Боснія и Герцеговина отданы въ управленіе Австріи, которой дозволено имѣть гарнизоны и въ Новобазарскомъ санджакѣ,—территорія уступленная Россіи султаномъ въ Малой Азіи уменьшена сохраненіемъ за Турціею Алашкерта и Баязида.

Окончательный мирный договоръ съ Портою былъ заключенъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ 27-го января 1879 г. и опредѣлялъ, что «обѣ державы согласно объявляютъ, что условія Берлинскаго трактата, состоявшагося между семью державами, замѣнили собою тѣ статьи прелиминарнаго Санъ-Стефанскаго договора, которыя были отмѣнены или измѣнены на конгрессѣ». Послѣдующими статьями окончательно опредѣлялись тѣ условія Санъ-Стефанскаго договора, которыя не были отмѣнены или измѣнены Берлинскимъ трактатомъ.

Полагаю, что здѣсь умѣстно привести опредѣленіе значенія Берлинскаго конгресса, сдѣланное тогда же нашимъ Правительствомъ и подтверждающее неудовлетворенность надеждъ вызванныхъ конгрессомъ, главною задачею котораго было уничтожить плоды русскихъ побѣдъ.

«Исторія скажетъ свое слово о томъ, насколько Берлинскій конгрессъ оправдалъ ожиданія, насколько широки были его замыслы и до какой высоты доходили его сужденія; она покажетъ съумѣли ли участники его отрѣшиться отъ эгоистическихъ заботъ и завистливаго соперничества, однимъ словомъ, она раскроетъ, насколько нашли отголосокъ въ этомъ собраніи великодушныя чувства Россіи запечатлѣнныя русскою кровью. Плоды укажутъ, каково было древо»¹⁾.

Предвидя тяжелое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ русскихъ Берлинскимъ трактатомъ, правительственное сообщеніе прибавляетъ: «то, что совершается на нашихъ глазахъ теперь, сопровождало, впрочемъ, и всѣ прежнія наши войны на Востокѣ. Не смотря на всѣ наши успѣхи, мы никогда не могли разрѣшить задачу кореннымъ образомъ. Намъ приходилось всегда останавливаться предъ непреоборимыми трудностями задачи, предъ сплоченной стѣной интересовъ и страстей, которыя вызывались нашими успѣхами. Но со всякою послѣдующею войною мы дѣлали новый шагъ къ достиженію нашей окончательной цѣли. Это есть та кровавая и славная черта, которая проведена черезъ всю нашу исторію и которая должна привести неизбѣжно къ выполненію нашей исторической миссіи — освобожденію христіанскаго Востока. Какъ бы ни были несовершенны результаты Берлинскаго конгресса, они все-таки представляютъ новый шагъ по прежнему пути, шагъ весьма важный, хотя и пріобрѣтенный дорогою цѣною».

¹⁾ «Правительственный Вѣстникъ», 27-го іюля 1878 г.

Заключительныя слова цитируемаго правительственнаго сообщенія особенно важны: «Берлинскій конгрессъ былъ только рывкомъ, остановкою на этомъ трудномъ пути. Оцѣнивая его съ этой точки зрѣнiя, Россiя находитъ въ прошедшемъ вѣру въ будущее».

Изложивъ въ общихъ чертахъ ходъ и характеръ нашихъ сношенiй съ Турцiею, приведу полный перечень русскихъ посланцевъ, посланниковъ, резидентовъ и пословъ, бывшихъ русскими представителями въ Царьградѣ, начиная съ конца XV столѣтiя до послѣдняго времени.

Перечень этотъ, составленный мною, благодаря благосклонному содѣйствию директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, барона Э. А. Бюлера и ближайшаго его сотрудника В. А. Уляницкаго, основанъ главнымъ образомъ на статейныхъ спискахъ и иныхъ документахъ, хранящихся въ упомянутомъ Архивѣ—истинной сокровищницѣ древнихъ русскихъ государственныхъ актовъ:

- 1496—1498. Стольникъ Михаилъ Андреевичъ Плещеевъ и Константинъ Авксентьевъ.
 1499—1500. Алексѣй Голохвастовъ.
 1501. Андрей Кутузовъ.
 1512—1514. Дьякъ Михаилъ Ивановичъ Алексѣевъ (Гостенковъ).
 1515—1516. Василий Андреевичъ Коробовъ.
 1519—1521. Борисъ Голохвастовъ.
 1521. Третьякъ Василий Михайловичъ Губинъ.
 1523. Иванъ Семеновичъ Брюховъ (Морозовъ) и Русинъ Козляниновъ
 1534 и
 1539. Стольникъ Ѳедоръ Григорьевичъ Адашевъ.
 1569. Иванъ Новосильцевъ, гонецъ.
 1571—1572. Андрей Ищенинъ-Кузминскiй.
 1584—1585. Борисъ Благовъ.
 1592. Григорiй Аванасьевичъ Нащокинъ и подъячiй Ивановъ.
 1594—1597. Даниилъ Ивановичъ Исленьевъ (Истлѣньевъ) и подъячiй Аврамовъ.
 1613—1614. Дворянинъ Соловой-Протасьевъ и дьякъ Даниловъ.
 1615—1617. Петръ Мансуровъ и дьякъ Самсоновъ.
 1622. Бояринъ Иванъ Гавриловичъ Кондыревъ и подъячiй Бормосовъ.
 1624. Иванъ Бегичевъ и подъячiй Ботвиньевъ.
 1628—1629. Дворянинъ Семень Яковлевъ и дьякъ Евдокимовъ.
 1630—1631. Дворянинъ Андрей Савинъ и дьякъ Алфимовъ.

- 1632—1633. Аѳанасій Прончищевъ и дьякъ Бормосовъ.
 1633—1634. Дворянинъ Яковъ Дашковъ и дьякъ Сомовъ.
 1634. Василій Андреевичъ Коробкинъ.
 1634. Дворянинъ Иванъ Коробинъ и дьякъ Матвѣевъ.
 1636. Толмачъ Букаловъ.
 1641. Переводчикъ Богданъ Лыковъ и толмачъ Букаловъ.
 1643. Стольникъ Илья Даниловичъ Милославскій и дьякъ Леонтій Лазаревскій.
 1645—1648. Стольникъ Степанъ Васильевичъ Телепневъ (умеръ въ 1646 году въ Царьградѣ) и дьякъ Кузовлевъ.
 1660. Переводчикъ Даниилъ Кононовъ, гонецъ.
 1666. Стрѣлецкій голова Василій Михайловичъ Тяпкинъ, гонецъ.
 1667—1668. Стольникъ Аѳанасій Нестеровъ и дьякъ Иванъ Вахрамѣевъ.
 1672—1673. Толмачъ Василій Даудовъ и подъячій Венюковъ.
 1677—1678. Стольникъ Аѳанасій Поросукъ и подъячій Старковъ.
 1678—1679. Дворянинъ Василій Даудовъ и подъячій Венюковъ.
 1680. Подъячій Никифоръ Кудрявцевъ, гонецъ.
 1681. Подъячій Тимоѳей Протопоповъ, гонецъ.
 1681—1682. Окольникій Илья Чириковъ (умеръ въ дорогѣ) и дьякъ Прокофій Возницынъ.
 1685—1686. Подъячій Никита Алексѣевъ, гонецъ.
 1699—1700. Думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ и дьякъ Чередеевъ, посланники.
 1701. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, посоль.
 1702—1714. Петръ Андреевичъ Толстой,¹⁾ (впослѣдствіи графъ), тоже.
 1711—1714. Баронъ Петръ Ивановичъ Шафировъ и графъ Михаилъ Борисовичъ Шереметевъ, послы.
 1712. Стольникъ Авраамій Лопухинъ, «безъ характера», отправленъ въ Константинополь съ ратификаціей на мирный трактатъ.
 1713. Ближній стольникъ Дмитрій Бестужевъ-Рюминъ, посоль, съ ратификаціей мирнаго трактата.
 1715—1716. Иеронимъ Натали, посланникъ.
 1718—1721. Алексѣй Ивановичъ Дашковъ, тоже.
 1721—1735. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, резидентъ.
 1724—1726 и
 1740. Александръ Ивановичъ Румянцевъ, посланникъ.
 1735—1745. Алексѣй Андреевичъ Вешняковъ, резидентъ.

¹⁾ Курсивомъ обозначены имена тѣхъ, миссіи которыхъ имѣли постоянный характеръ.

- 1745—1750. Адріанъ Ивановичъ *Неплюевъ*, тоже.
- 1751—1768. Алексѣй Михайловичъ *Обресковъ*, тоже и при немъ
- 1765—1768. Павелъ Артемьевичъ *Левашовъ*, повѣренный въ дѣлахъ.
- 1774—1775. Христофоръ Ивановичъ Петерсонъ, тоже.
- 1774—1776. Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, посоль.
- 1776—1781. Александръ Стахѣевичъ *Стахѣевъ*, посланникъ.
- 1781—1787. Яковъ Ивановичъ *Булаковъ*, тоже.
- 1792—1794. Александръ Семеновичъ Хвостовъ, повѣренный въ дѣлахъ.
- 1792—1794. Михаилъ Илларионовичъ (впослѣдствіи князь) Голенищевъ-Кутузовъ, посоль.
- 1793—1798. Викторъ Павловичъ (впослѣдствіи князь) *Кочубей*, посланникъ.
- 1798—1802. Василій Степановичъ *Томара*, тоже.
- 1802—1806 и
- 1812—1816. Андрей Яковлевичъ *Италинскій*, тоже.
- 1816—1822. Баронъ (впослѣдствіи графъ) Григорій Александровичъ *Строгановъ*, посланникъ, при немъ
1818. Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, повѣренный въ дѣлахъ.
1823. Баронъ Петръ Ивановичъ Рикманъ, повѣренный въ дѣлахъ.
- 1823—1827. Матвѣй Яковлевичъ Минчаки, тоже.
1826. Александръ Ивановичъ (впослѣдствіи графъ) *Рибоньеръ*, посланникъ. *Ribonier*
1829. Аполинарій Петровичъ Бутеневъ, повѣренный въ дѣлахъ.
1829. Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, посоль.
1829. А. И. *Рибоньеръ*, посланникъ.
1830. Баронъ П. И. Рикманъ, повѣренный въ дѣлахъ.
- 1830—1837. А. П. *Бутеневъ*, посланникъ.
1833. Графъ А. Ѳ. Орловъ, посоль.
1834. Баронъ П. И. Рикманъ, повѣренный въ дѣлахъ.
- 1837—1838. Баронъ П. И. Рикманъ, тоже.
- 1838—1843. А. П. *Бутеневъ*, посланникъ; во время его отсутствія съ мая 1840 по ноябрь 1842 г. В. П. Титовъ, повѣренный въ дѣлахъ.
- 1843—1846. Владиміръ Павловичъ *Титовъ*, посланникъ.
- 1846—1847. Михаилъ Михайловичъ Устиновъ, командированъ по Высочайшему повелѣнію для временного управленія миссією въ Константинополь.
- 1847—1853. В. П. *Титовъ*, посланникъ.
1853. Александръ Петровичъ Озеровъ, повѣренный въ дѣлахъ.
1853. Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, посоль.

- 1856—1859. А. П. Бутеневъ, съ особымъ порученіемъ къ его величеству султану, управляющій миссіею въ Константинополь, на время его отсутствія князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, повѣренный въ дѣлахъ.
- 1859—1863. Князь Алексѣй Борисовичъ *Лобановъ-Ростовскій*, посланникъ; на время его отсутствія Е. П. Новиковъ, повѣренный въ дѣлахъ.
- 1863—1864. Евгений Петровичъ Новиковъ, повѣренный въ дѣлахъ.
- 1864—1877. Николай Павловичъ *Иматьевъ* (впослѣдствіи графъ), посланникъ, а съ 1867 года посоль; на время его отсутствія повѣренными въ дѣлахъ были: Егоръ Егоровичъ Стааль, Алексѣй Михайловичъ Кумани и Александръ Ивановичъ Нелидовъ.
- 1878—1879. Князь Алексѣй Борисовичъ *Лобановъ-Ростовскій*, посоль.
- 1879—1882. Евгений Петровичъ *Новиковъ*, посоль; на время его отсутствія—Михаилъ Константиновичъ Ону, повѣренный въ дѣлахъ.
- 1882— Александръ Ивановичъ *Нелидовъ*, съ особымъ порученіемъ при его величествѣ султанѣ, управляющій посольствомъ, а съ 1883 года посоль; на время его отсутствія повѣренными въ дѣлахъ были М. К. Ону и Валеріанъ Всеволодовичъ Жадовскій.

